

Волгоградское муниципальное учреждение культуры
«Централизованная система городских библиотек»
Центральная городская библиотека
Информационно-библиографический отдел

Знаменитые "дети Германии"

- юбиляры 2012 года

Библиографический дайджест

Волгоград
2012

Составитель

Литвиненко Ольга Васильевна

Редактор

Кизилова Анна Александровна

Ответственный за выпуск

Пруданова Светлана Васильевна

З 72 **Знаменитые дети Германии – юбиляры 2012 года** : биобиблиогр. дайджест / [сост. О. В. Литвиненко ; ред. А. А. Кизилова] ; ВМУК «ЦСГБ», Центр. гор. б-ка, Информ.-библиогр. отд. – Волгоград, 2012. – 51 с. : портр. – Библиогр. : 17 назв.

Издание включает тематическую подборку источников о немецких ученых и писателях XVIII – начала XXI века. Среди представленных в пособии полнотекстовых материалов: сведения современных российских и зарубежных исследователей о жизни и деятельности физика Г. Ома, археолога Г. Шлимана, поэта Г. Гейне, писателей Р. Э. Распэ, В. Гауфа, Г. Бёлля, Г. Гессе и Г. Грасса. Список использованных источников составляют статьи из книг и периодических изданий (XX – нач. XXI в.).

Пособие рассчитано на широкий круг пользователей.

91.9:7д

ВМУК «ЦСГБ», Центральная городская библиотека, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.....	4
I. Первооткрыватели Георг Ом и Генрих Шлиман.....	5
Ян Шнейберг Георг Ом. Нелегкий путь к славе.....	5
Герман Малиничев Феномен Генриха Шлимана.....	12
Ефим Шуман [О Генрихе Шлимане].....	15
II. Сатирик Рудольф Эрих Распэ.....	18
Олег Фочкин Сказочно русский барон.....	18
Белоусов Роман Слава и позор барона Мюнхгаузена.....	21
III. Сказочник Вильгельм Гауф.....	28
Андрей Немзер Сказка о маленьком сказочнике.....	28
Марина Аграновская Юный сказочник Вильгельм Гауф.....	31
IV. Поэт-романтик Генрих Гейне.....	34
Раиса Шиллимат Предатель или патриот?.....	34
V. Писатели – лауреаты Нобелевской премии	
Герман Гессе, Генрих Бёлль, Гюнтер Грасс.....	37
Дмитрий Петров Письмо Герману Гессе.....	37
Николай Александров «Биография души» Германа Гессе.....	41
Анастасия Рахманова Генрих Бёлль: самый русский немецкий писатель.....	43
Борис Хлебников Феномен Грасса.....	46
Список источников.....	50

От составителя

В целях дальнейшего развития российско-германских отношений Президентом РФ Д. А. Медведевым распоряжением от 30 декабря 2011 г. 2012 год объявлен Годом Федеративной Республики Германия в Российской Федерации.

В связи с этим предлагаем Вашему вниманию дайджест – тематическую подборку статей из периодической печати о немецких ученых и писателях XVIII – начала XXI века, которые в 2012 году отмечают знаменательные даты. Среди представленных в пособии полнотекстовых материалов: сведения современных российских и зарубежных исследователей о жизни и деятельности физика Г. Ома, археолога Г. Шлимана, поэта Г. Гейне, писателей Р. Э. Распэ, В. Гауфа, Г. Бёлля, Г. Гессе и Г. Грасса; интересные и малоизученные стороны их биографий, а также познавательная информация об исторических условиях времени их жизни.

Пособие состоит из пяти разделов. Первый раздел включает статьи исследователей конца XX – начала XXI века о знаменитых немецких ученых-первооткрывателях Г. Оме и Г. Шлимане. Физику Г. Ому принадлежит открытие в 1826 году фундаментального закона электрической цепи, а археологу Г. Шлиману – обнаружение Трои, легендарного древнего города, воспетого Гомером в своих поэмах.

Второй раздел посвящен немецкому писателю XVIII века Р. Э. Распэ, оставшемуся в истории литературы создателем одной книги «Приключений барона Мюнхгаузена». Статья Романа Белоусова раскрывает малоизвестные факты биографии писателя и историю создания книги, которая оставила имя Р.Э. Распэ в веках.

В третьем разделе современные российские критики анализируют творчество немецкого писателя-сказочника XIX века В. Гауфа. В их исследованиях В. Гауф представлен не только как создатель замечательных сказок, но и как автор стихов, новелл и романов. «Один из них – «Лихтенштейн», о позднесредневековой Германии – через столетие без малого надолго околдовал отроковицу Цветаеву и отозвался стихотворением в ее «Вечернем альбоме»: *Мы лежим, от счастья молчаливы,/ Замирает сладко детский дух./ Мы в траве, вокруг синеют сливы,/ Мама Lichtenshtein читает вслух.*

Четвертый раздел дайджеста представлен статьей о немецком поэте XIX века Г. Гейне. Автор Раиса Шиллимаст раскрывает творчество поэта не столько с точки зрения общепризнанного романтизма и лиризма, а с точки зрения отражения в стихотворениях и поэмах Г. Гейне его гражданской позиции, опираясь на слова самого поэта: *«Поэзия, как бы я ее ни любил, была для меня всего лишь священной игрушкой, или священным средством для достижения высших целей. Но на мой гроб положите мне меч, потому что я был храбрым солдатом в борьбе за освобождение человечества».*

Пятый раздел объединяет критические статьи о немецких писателях XX – начала XXI века – лауреатах Нобелевской премии Г. Гессе, Г. Бёлле и Г. Грассе. О творчестве, которое пронизано духом XX века, временем сложным и противоречивым.

Материал в пособии дается в сокращенном варианте. Сокращения обозначены <...>. В пособии также применены подстрочные библиографические ссылки на источники публикации и/или на адреса Интернет-ресурсов с полной версией материала.

Дайджест завершает список использованных источников, которые взяты из сводного электронного каталога ВМУК «ЦСГБ» и Интернет-ресурсов (полнотекстовых и библиографических баз данных).

Пособие рассчитано на широкий круг пользователей, проявляющих интерес к выдающемуся деятелям науки и литературы Германии XVIII – начала XXI века.

I. ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ ГЕОРГ ОМ И ГЕНРИХ ШЛИМАН

ГЕОРГ СИМОН ОМ

(16 марта 1787, Эрланген – 6 июля 1854, Мюнхен)

– немецкий физик

Ян Шнейберг

Георг Ом. Нелегкий путь к славе¹

к 180-летию открытия закона Ома

Каждый школьник хорошо знает фундаментальный закон электрической цепи, открытый выдающимся немецким ученым Георгом Омом. Простое на первый взгляд соотношение между электрическим током, напряжением и сопротивлением, установленное Омом, потребовало от него не только глубоких знаний, но и огромного многолетнего труда, завидного мастерства экспериментатора и удивительной настойчивости в достижении цели. Многие крупные ученые с недоверием отнеслись к открытию неизвестного школьного учителя физики и математики.

На протяжении более четверти века после создания первого источника электрического тока – вольтова столба (1799 г.) – многие физики ошибочно считали, что проводник является «чисто пассивной частью электрической цепи».

К сожалению, западноевропейские физики не были знакомы с работой русского физика Василия Петрова «Известия о гальвани-вольтовых опытах...», в которой был впервые использован термин «сопротивление» и доказано, что величина электрического тока зависит от площади поперечного сечения проводника. Как утверждал английский журнал Science Progress, своими исследованиями Петров «предвосхитил закон Ома». Заметим также, что ученый не имел никаких электроизмерительных приборов и о величине тока судил по интенсивности процесса электролиза в разных жидкостях.

Ом был одним из первых исследователей, занявшихся установлением количественных закономерностей в электрических цепях. Это оказалось далеко не легкой задачей. Не было известно, какие величины нужно измерять, понятия о напряжении и сопротивлении проводников не были общепринятыми, а многим физикам вообще неведомы. Свойства первых источников электрического тока также не были достаточно изучены, не существовало и приборов для измерения электрических величин. Ряд ученых (Х. Дэви, А. Беккерель и др.) предпринимали попытки найти соотношения между величинами, характеризующими процессы в электрических цепях, но только Г. Ому удалось установить основной закон электрической цепи.

¹ Шнейберг Я. Георг Ом. Нелегкий путь к славе // Connect! Мир Связи. 2006. № 1. Режим доступа: <http://www.connect.ru/article.asp?id=6380>.

Сын слесаря становится доктором философии

В марте 1787 г. в немецком городе Эрлангене в семье потомственного слесаря родился мальчик, названный Георгом, которому было суждено прославить на века скромную династию Омов.

Мать Георга умерла, когда ему едва исполнилось 10 лет, поэтому воспитанием сына занимался отец – мастер кузнечного и слесарного дела, отличавшийся завидным стремлением к знаниям и сумевший воспитать эти качества у двух своих сыновей, которые позднее стали известными учеными. Благодаря отцу Георг умело пользовался слесарными инструментами, что очень пригодилось будущему молодому исследователю при изготовлении разнообразных приборов и устройств.

Отцу удалось пригласить нескольких профессоров Эрлангенского университета помочь его сыновьям овладеть основами математики, физики и философии. Это позволило Георгу блестяще окончить городскую гимназию.

Сохранилось любопытное свидетельство профессора математики Эрлангенского университета К. Лангсдорфа, экзаменовавшего в июне 1804 г. пятнадцатилетнего Георга: «В течение пятичасовой беседы я проверил его знания по всем разделам элементарной математики, арифметики, геометрии, тригонометрии, статики и механики, а также выяснил его знания в области высшей геометрии и математического анализа. На все мои вопросы я получил быстрые и точные ответы. Почти убежден, что оба брата из этой семьи станут не менее знаменитыми, чем братья Бернулли; обладая таким усердием и имея такой талант, они обогатят науку, если найдут соответствующее внимание и поддержку». Каким удивительным провидцем оказался профессор Лангсдорф!

Отзыв известного профессора означал зачисление Георга Ома в Эрлангенский университет. После окончания гимназии весной 1805 г. Георг становится студентом философского факультета и с увлечением продолжает занятия математикой, физикой и философией.

В университете Ом выделяется не только глубокими знаниями и природной одаренностью, но и своими спортивными успехами и артистизмом: он лучший конькобежец и бильярдист университета, а в плясках на студенческих вечеринках ему нет равных. И в этом он многим был обязан отцу, который приучал своих детей к спорту, совершал с ними дальние прогулки, увлекая красотой окружающей природы. Отец даже придумал простейшие измерительные инструменты, занимаясь с детьми землемерными расчетами: они определяли площади пашен, вычисляли и составляли схемы дорог и их протяженность.

В течение трех семестров Ом успешно осваивает курс наук, но, понимая материальные трудности отца, решает начать работать, чтобы поддержать семью. Осенью 1806 г. Георг принимает приглашение на должность учителя математики в частной школе швейцарского городка Готтштадта. Начинающему педагогу едва исполнилось 17 лет!

Проводя занятия со школьниками, Георг продолжает совершенствовать свои знания по математике, физике, химии и философии, изучает труды корифеев науки – Эйлера и Лапласа.

Спустя пять лет, в 1811 г., Ом возвращается в Эрлангенский университет; самостоятельно приобретенные знания позволили ему успешно закончить учебу, защитить диссертацию, получить степень доктора философии.

Молодого доктора зачисляют на должность приват-доцента кафедры математики университета. Он увлекается педагогической деятельностью, но постоянная нехватка денег вынуждает его подыскивать более высокооплачиваемую работу. По рекомендации проректора университета в 1813 г. Ома принимают учителем математики и физики в школе города Вамберга (Бавария).

С юных лет Ом привык творчески относиться к любой работе. Вскоре он обращается к администрации школы с предложением реорганизовать систему преподавания математики и в 1817 г. публикует первую печатную работу с изложением новых методов обучения и развития у учащихся «способности к математическому мышлению». И хотя вначале его идеи не получили

должного признания, через несколько лет они были высоко оценены, и Ом был удостоен почетной премии.

В поисках более интересного места работы Ом поступает в качестве учителя математики и физики в одну из известных школ г. Кельна, имевшую хорошую экспериментальную лабораторию. Здесь Ом оказался в своей стихии: все свободное время он проводит в лаборатории, ремонтируя старые и создавая новые приборы. Вот тут-то ему пригодился опыт «потомственного слесаря» и незаурядного конструктора-изобретателя.

В те годы, как и многие способные молодые ученые, Ом увлекается электротехническими и магнитными явлениями, ремонтирует электростатическую машину, изготавливает несколько электроприборов. В 1812 г. Ом писал отцу, что продолжает штудировать классические труды Лапласа, Лежандра, Лагранжа, Био и все свое время отдает «изучению недавно открытого явления электромагнетизма». Ом считал, что в то время наименее разработанной была проблема гальванического тока, и в этой области он «...меньше всего мог опасаться конкуренции».

Прежде всего нужно было разобраться в особенностях различных источников электрического тока, понять, какие физические величины характеризуют их интенсивность и надежность. Уже было известно, что проводники, соединяющие полюса источников тока, нагреваются в зависимости от площади пластин вольтова столба. Важно было выяснить, как влияют на температуру нагрева проводников их длина и вид металла, почему время разрядки батареи зависит от материала проводников. По-видимому, они различаются по способности проводить электричество.

Вначале Ом занялся определением электропроводности проволок из платинированной меди различной длины, имеющих одинаковое поперечное сечение. Как уже отмечалось, можно только сожалеть, что Ому, как и другим европейским физикам, не были известны исследования явлений в электрических цепях, опубликованные еще в 1802 г. на русском языке выдающимся физиком В.В. Петровым.

Но Ом, конечно, был знаком с открытием датского физика Г.Х. Эрстеда (1819 г.), доказавшим действие электрического тока на магнитную стрелку. Он также знал о создании простейшего индикатора электрического тока – мультипликатора: магнитная стрелка, помещенная на медной оси внутри рамки с током, отклонялась.

Но Ому нужен был прибор, позволявший измерять величину электрического тока. И только незаурядная эрудиция и мастерство изобретателя-конструктора позволили ему решить эту нелегкую задачу.

Ему были известны так называемые «крутильные весы», созданные еще в 1784 г. знаменитым французским ученым и инженером Ш.О. Кулоном (1736–1806), исследовавшим законы кручения металлических нитей для определения силы взаимодействия электрических зарядов и магнитных полюсов и открывшим закон, носящий его имя.

Но Кулон наблюдал притяжение и отталкивание шариков, заряженных статическим электричеством. А как измерить величину электрического тока?

Создание уникального электроизмерительного прибора

Трудно представить, сколько бессонных ночей провел молодой ученый, чтобы реконструировать «весы» Кулона. Ему удалось найти настолько оригинальное техническое решение, что позднее физики справедливо назвали установку Ома «первым прибором для электрических измерений». Главное усовершенствование заключалось в том, что вместо коромысла с бузиновым шариком Ом подвешивал на металлической нити магнитную стрелку над проводником, по которому протекал электрический ток и по углу отклонения этой стрелки определял относительную величину тока. Кроме того, он убедился в нестабильности источника тока – гальванического элемента, «возбуждающая сила» которого изменялась при его

включении и выключении. Точность измерений также снижалась из-за того, что внутреннее сопротивление батарей было значительно больше сопротивления исследуемых проводников.

Усовершенствованный Ом измерительный прибор представлял собой стеклянный цилиндр, имевший по окружности «градусную» (измерительную) шкалу. Через центральное отверстие пропусклась серебряная нить, прикрепленная сверху к микрометрической головке q , которую можно поворачивать в ходе эксперимента. Внизу к нити прикреплялась магнитная стрелка tt . При прохождении тока по проводнику под стрелкой нить закручивалась, и стрелка отклонялась на определенный угол. Вращая верхнюю измерительную головку, Ом возвращал магнитную стрелку в исходное положение и точно фиксировал угол ее отклонения. Во избежание ошибки он установил небольшую линзу l , чтобы лучше видеть «визирную линию».

В начальных экспериментах, когда источником тока служила гальваническая батарея, о недостатках которой уже было сказано, результаты измерений оказались неточными. Первая статья Ома по исследованию проводимости различных металлов и зависимости угла отклонения магнитной стрелки от площади поперечного сечения проводника была опубликована в «Журнале физики и химии» в 1825 г. под названием «Предварительное сообщение о законе, по которому металлы проводят контактное электричество».

И хотя Ом установил важный факт, что проволоки одного и того же материала, различающиеся площадью поперечного сечения, имеют «...одинаковую проводимость, если их длины пропорциональны их поперечным сечениям», предложенная им формула оказалась неверной. Кстати, Ом сам понимал неточность своих экспериментов, не случайно назвав свою статью «предварительным сообщением». Нужно признать, что допущенные Ом ошибки позднее стали одной из причин недоверия к его последующим публикациям. Но Ом не был бы Ом, если бы «опустил руки» от первых неудач, наоборот, он решил продолжить свои исследования.

Мы сознательно подробно описываем творческие поиски Ома, чтобы подчеркнуть, особенно для начинающих исследователей новых явлений, во-первых, насколько нелегок путь к познанию истины, во-вторых, необходимость умения анализировать причины неудач и изыскивать способы преодоления неизбежных трудностей в процессе исследований.

В первую очередь Ом решил избавиться от главной причины ошибок – гальванической батареи, «возбуждающая сила» которой заметно убывает со временем. Он заменил батарею термоэлементом, воспользовавшись открытием профессора Берлинского университета Т. И. Зеебеком в 1821 г. явления «термоЭДС» – возникновения электрического тока в замкнутой цепи при охлаждении или нагревании спая двух разнородных металлов, например, медной и висмутовой пластин. Этот элемент отличался заметно большей стабильностью, а его внутреннее сопротивление было значительно меньше, чем в гальванической батарее.

Термоэлемент состоял из пары металлов медь – висмут. Висмутовая полоса термоэлемента $abb'a'$ изгибалась в виде вытянутой буквы «П», а к ее концам привинчивалась медная полоса l . Две медные шины k своими концами dd' опускались в чашечки с ртутью mm' , к которым подводились защищенные концы исследуемых проводников.

Результаты многочисленных измерений Ом изложил в статье «Определение закона, по которому металлы проводят контактное электричество, вместе с наброском теории вольтаического аппарата и мультипликатора Швейггера», опубликованной в уже упоминавшемся «Журнале физики и химии» в 1826 г.

Многokrатно повторяя эксперименты с проводниками различной длины и толщины, Ом составил подробные таблицы и установил ранее неизвестный закон о пропорциональности силы тока и «возбуждающей силой» (напряжения). Кроме того, он доказал, что по этому закону «...можно рассчитывать электрические цепи независимо от материала проводника».

Но особенно важное наблюдение Ома заключалось в следующем: изменяя длину замыкающей цепи проволоки, он доказал, что, выражаясь современной терминологией, сила тока в цепи с постоянным источником ЭДС обратно пропорциональна сопротивлению цепи. Так звучит уже знакомая нам формула закона Ома, впервые опубликованная им в 1827 г.

Экспериментам Ома, казалось, не будет конца, это подтверждает его неустанное стремление проникнуть в глубину физических процессов в электрических цепях. Он исследует силу тока по его магнитному действию (отклонению магнитной стрелки) и по его химическому действию (в частности, по объему газов при электролизе воды) и доказывает их эквивалентность.

Но, увы, и на этот раз «ученый мир» не оценил открытия Ома. Как писал один из биографов ученого, «выражение, найденное Омом, было настолько простым, что именно своей простотой вызывало недоверие»; не были, конечно, забыты и первые неудачные публикации молодого ученого. Кроме того, проверить результаты исследований Ома было очень трудно: его уникальная экспериментальная установка отличалась необычной для того времени чувствительностью, а для проведения самих опытов требовались и незаурядные способности экспериментатора, и завидное мастерство, и настойчивость в преодолении трудностей.

Маститые ученые крупнейших европейских университетов не очень доверяли малоизвестному учителю гимназии, а такие выдающиеся физики-экспериментаторы, как, например, Фарадей и Генри, не владевшие немецким языком, узнали об открытии Ома с опозданием, о чем весьма сожалели.

Ом чувствует необходимость теоретически осмыслить и обобщить полученные им результаты. С этой целью в августе 1826 г. он с трудом добивается разрешения предоставить ему годичную командировку в Берлин, где бы он мог целиком посвятить себя «научным поискам».

Понимая силу и роль теории в развитии науки, Ом с головой уходит в работу. В свое время огромное впечатление на него произвела книга французского ученого Ж.-Б. Фурье (1768–1830) «Аналитическая теория тепла», изданная в 1822 г. и получившая высокую оценку физиков и математиков. В теории Фурье тепловой поток между двумя телами или двумя точками одного и того же тела объясняется разностью температур этих тел или точек. Ому пришла в голову гениальная мысль о возможности аналогии между «тепловым потоком» и электрическим током в проводнике, вызванным разностью «электроскопических сил». Теоретические обобщения Ом проводил в фундаментальном труде «Теоретические исследования электрических цепей», вышедшем в мае 1827 г.

По аналогии с формулой, выведенной Фурье для теплового потока, Ом находит формулу для электрического тока.

Очевидно, что эта формула соответствует современной записи закона Ома.

Он впервые в западноевропейской литературе ввел термин «сопротивление», который, как уже отмечалось, за четверть века до него применил В. В. Петров.

Величина V , названная Омом «электроскопической», характеризующая состояние цепи в данной точке, по утверждению физиков, «...дала начало введенному позднее в теорию электричества понятию потенциала». В своем труде Ом впервые широко применяет математические методы анализа электрических цепей, используя дифференциальные и интегральные исчисления, теорию рядов. Его сочинение по праву считается первой теоретической работой в области электричества.

Поразительны энциклопедические знания, образность мышления и научная интуиция Ома. Стремясь к более доступному изложению открытого им закона, он кроме тепловой аналогии удивительно эффектно использовал и гидравлическую (течение воды в трубах). Если представить себе две ступенчато расположенные трубы одинакового или разного диаметров,

соединенные короткой наклонной трубкой, то скорость течения воды в горизонтальных трубах будет зависеть от разности уровней расположения труб и их диаметров. Разность уровней можно уподобить разности «электроскопических сил», а диаметр сечения трубы – сопротивлению проводника.

Ом полагал, что чем больше «уклон» трубы, тем больше скорость течения воды, и даже строил специальные диаграммы, показывая «уклоны» как «причину тока».

Подчеркивая трудности, которые ему пришлось преодолеть, Ом писал, что его «теория гальванического электричества» послужит началом к новым исследованиям, если только ценность первых полученных результатов в какой-то мере оправдает те жертвы, которых они ему стоили.

Однако и на этот раз надежды Ома не оправдались. В те годы в Германии господствовала натурфилософия, объяснявшая достижения естествознания на основе объективного идеализма и отрицавшая математические методы анализа экспериментальных данных. Против натурфилософов выступали такие видные немецкие ученые, как Р. Майер и А. Гумбольдт, считавшие, что эти лжеученые «задержали развитие естествознания в Германии на десятилетия». Вполне понятно, такой выдающийся ученый-экспериментатор, как Ом, подрывавший основы натурфилософии, не мог ожидать поддержки от чиновников и лжеученых.

Запоздалое признание

Мечта Ома стать профессором Берлинского университета не сбылась. Только в 1833 г. он получил должность профессора физики в политехнической школе г. Нюрнберга.

Впервые после выхода в свет сочинения Ома его открытие было экспериментально подтверждено в 1831 г. одним из его единомышленников, немецким профессором Фехнером.

Среди зарубежных ученых, признавших закон Ома и применявших его в своих исследованиях, были петербургские ученые Э.Х. Ленц и Б.С. Якоби. Ленц – еще в 1832 г. при изучении электромагнитной индукции, а Якоби дал восторженный отзыв об этом законе в 1835 г. в трактате «О применении электромагнетизма для приведения в движение машин». Справедливость закона Ома академики Ленц и Якоби подтвердили в 1838 г. в своей совместной работе «О законах электромагнитов».

Естественно, что и Ленц, и Якоби читали труды Ома в оригинале. На английский язык его работа была переведена только в 1841 г., на итальянский – в 1847, на французский – только в 1860 (!).

В связи с этим произошел удивительный казус. Французский ученый Пулье, знавший о работах Ома из некоторых теоретических публикаций в немецкой печати, решил проверить экспериментально выводы ученого и, конечно, их подтвердил. Французские физики присвоили его закону имя Пулье. Естественно, что вскоре Пулье «безоговорочно признал приоритет Ома».

Перевод книги Ома на английский язык и блестящие отзывы о нем Ленца и Якоби способствовали официальному признанию его заслуг. В мае 1842 г. Лондонское Королевское общество наградило Ома высшей наградой – Золотой медалью Копли и избрало своим членом. Пропагандистом идей Ома в Англии стал известный создатель «мостика Уитстона» – Ч. Уитстон, а знаменитый американский физик Дж. Генри писал: «Когда я первый раз прочел теорию Ома, она мне показалась молнией, вдруг осветившей комнату, погруженную во мрак». Одна из работ известного немецкого физика Г. Кирхгофа, опубликованная им в 1849 г., носила название «О выводе закона Ома»; Кирхгоф положил этот закон в основу своих исследований.

Почти двадцать лет ожидал Ом признания у себя на родине: лишь в 1845 г. он был избран действительным членом Баварской академии наук, а в 1847 г., когда ему уже исполнилось 60 лет, его пригласили на должность экстраординарного профессора Мюнхенского университета.

В том же году король Баварии назначил Ома хранителем государственного Собрания физико-математических приборов. Одновременно ученый продолжал читать лекции по физике и математике.

Кроме исследований в области электрических цепей, Ом занимался проблемами акустики, поляризации света, создавал оригинальные демонстрационные приборы. В ответ на просьбы коллег Ом написал очень содержательный и хорошо иллюстрированный учебник по физике, однако второй том своего капитального труда завершить не успел (рукопись его, по распоряжению короля Баварии, была выкуплена у сестры Ома и хранится в Баварской государственной библиотеке).

Только в 1852 г. за два года до смерти Ом получил должность ординарного профессора, а год спустя был награжден орденом «за выдающиеся достижения в области науки». К сожалению, многолетнее напряжение физических и духовных сил резко сказалось на здоровье ученого. Всю жизнь он посвятил науке, ему даже не удалось создать собственной семьи. Но до последних дней жизни Ом оставался оптимистом, энергичным, жизнерадостным и остроумным человеком, добрым по отношению к людям, особенно к своим ученикам.

Как писал один из биографов, Ом обычно «без горечи сносил свое стесненное положение, когда его работы не были признаны, и не зазнавался после того, как его труды получили международное признание».

Тяжелый сердечный приступ весной 1854 г. заставил ученого слечь в постель. Почувствовав себя немного лучше, он вновь начал читать лекции, но в июле 1854 г. сердце Ома остановилось. Он был похоронен на старом кладбище г. Мюнхена, и только спустя 40 лет ему был установлен памятник.

К тому времени, наконец, вышло в свет полное собрание его трудов.

Имя Ома увековечено не только открытым им законом. В 1881 г. на Электротехническом съезде в Париже было утверждено название единицы сопротивления «Ом». Далеко не всем известно, что одному из кратеров на обратной стороне Луны присвоено имя Ома, наряду с именами таких великих физиков, как Планк, Лоренц, Ландау, Курчатов.

ИОГАНН ЛЮДВИГ ГЕНРИХ ЮЛИЙ ШЛИМАН

(6 января 1822, Нойбуков, Мекленбург-Шверин – 26 декабря 1890, Неаполь)

– немецкий предприниматель и археолог-любитель, прославившийся своими находками в Малой Азии, на месте античной (гомеровской) Трои

Герман Малиничев

Феномен Генриха Шлимана²

Фотография Генриха Шлимана – петербургского купца. Человек в цилиндре и темном костюме богатого европейца ходил по приморской равнине в Турции и измерял градусником температуру во всех окрестных ключах и ручьях, которые ему встречались. Затем он включил шагомер и пошел вокруг высокого холма. В конце прогулки он посмотрел на циферблат и одобрительно хмыкнул. Потом он поднялся на холм и вперил взгляд на вершину горы Ида, на которой когда-то восседали боги Олимпа, наблюдая за сражениями. И опять довольная ухмылка сверкнула на его озабоченном лице. При этом губы его шептали гекзаметры Гомера на языке подлинника...

Так Генрих Шлиман – удачливый немецкий археолог искал легендарную Трои. Он с юности слепо верил каждому слову Гомера, который упомянул в «Илиаде» горячие и холодные источники близ города, осажденного архейскими греками. Поэт нарисовал извилистые тропы, по которым, троянки ходили полоскать свои ткани, и каменистые дороги, по которым греки шли на штурм упрямой крепости. И Шлиман, следуя за строками поэмы, все это нашел близ холма Гиссарлык. На его склоне он отметил точку и отдал приказ наемным чернорабочим начать раскопки, уверенно заявив, что под этим местом находится дворец троянского царя Приама. И его руины не замедлили показаться на дне раскопа. И именно там некоторое время спустя между массивными блоками фундамента Шлиман увидел блеснувшее золото. «Клад Приама!» – объявил он своей жене. Отпустив рабочих, они собрали в шерстяной платок бесценные ожерелья и перстни, диадемы и бусы, цепочки и серьги, браслеты и пуговицы. Золото, серебро, электрон, слоновая кость! Все это было тайно переправлено в Грецию.

Вся жизнь этого человека-легенды похожа на приключенческий роман. В Германии он был матросом и мальчиком на посылках, в России – процветающим купцом, в Америке – посредником золотоискателей. В 1864 году он отходит от всех торговых дел и целиком посвящает себя древним языкам, истории и археологии. В Турцию он поехал с томиком Гомера в руках и летом 1870 года открыл первые следы Трои. Сперва только для себя, но уже в 1871 году по миру разнеслась сенсационная весть: «Мечтательный миллионер нашел гомеровскую крепость, в которую никто не верил!»

Да, и Гете, и Байрон, и наш Пушкин считали «Илиаду» и «Одиссею» волшебными сказками. Лесков называл Гомера языческим мифотворцем, не сдерживающим своеволие вымысла. И ни один историк XIX века не верил в реальность греческих мифов и легенд, объединенных Гомером в поэмы. Греческий рапсод лишь умелый собиратель причудливых выдумок. – утверждали они в университетских лекциях. – Троя никогда не существовала, и войны за эту приморскую крепость не было».

² Малиничев Г. Феномен Генриха Шлимана // Чудеса и приключения. 1996. № 6. Режим доступа: <http://roksalan.narod.ru/avtors/Oshliman.htm>.

Однако тут все далеко не точно, ибо существовали в забытых архивах хроникальные записи, согласно которым Александр Македонский перед своим походом в глубины Азии посетил развалины Трои, где жили уже другие люди и называли деревеньку Новым Илионом. Копаясь в руинах, они находили старинное греческое оружие. Полководец забрал его и роздал своей гвардии. Трою посещали персидские цари и приносили там жертвоприношения за свои победы. Географ и путешественник Страбон точно указывал место на берегах Дарданелл, где когда-то красовались стены неприступной Трои. И Геродот не сомневался в правоте Гомера. Позже ее место хорошо знали римляне. А византийский царь Константин Великий мечтал там создать свою новую столицу. Потом о городе на много веков забыли, и он терпеливо ждал счастливого часа встречи с немецким археологом.

После докладов Шлимана о раскопках газетчики Европы поспешили присвоить «Илиаде» почетное название «исторического репортажа», а самому автору – титул – «первого военного корреспондента». Но главное все же было не только в открытии руин легендарного города, но и в том, что более ста лет назад в археологии появился новый раздел, который основывался на утверждении Шлимана: «За самыми фантастическими народными сказаниями наука может смело идти в глубь веков навстречу открытиям».

На одной из своих лекций в Лондоне Шлиман заявил, что нужно верить не только эпосу греков, но и сказкам, сагам и мифам народов всего мира. Он сделал прогноз, согласно которому в XX веке самые сенсационные находки последуют в русле новой методики. И что же? Все это сбылось. Начнем с того, что из предсказанных Шлиманом 129 городов микенской эпохи, упоминаемых Гомером, к сегодняшнему дню найдено и раскопано более 90. По следам легенд в Америке найдены процветающие поселения майя, ацтеков, инков. Археологи Индии обнаружили следы царства, упоминаемого в древней поэме «Рамаяна». Список подобных примеров мог бы составить объемистую книгу.

Итак, Шлиман открыл легендарную Трою. Что за этим последовало? Триумфальное признание всем миром, исключая, правда, той части, которая называется кабинетной наукой. С пыльных столов потекли потоки желчи. Завистники посчитали открытие фальсификацией, а самого археолога обвинили в дилетантстве. Нашлись и такие, которые называли Шлимана «купцом с лопатой»...

Вот и следует тут задаться вопросом: «Чем отличался Генрих Шлиман от археологов своей поры? Что он за личность?»

Прежде всего напомним, что древних и современных ему языков он знал не менее двух десятков. Пожалуй, тогда надо было собрать большую когорту историков, чтобы сравняться с ним по эрудиции в языкознании. Шлиман посетил практически все места знаменитых раскопок XIX века, прочитал буквально все отчеты о них, совершил два кругосветных путешествия. Вот и получается, что дилетантами были как раз те историки, которые ополчились на сенсационные успехи немецкого археолога. Зависть – не лучший судья. Кстати, разгневался на Генриха, как отказавшегося от русского подданства, и наш Александр II. Царь узнал о мировой славе ученого и о его желании вести раскопки в южной части России и Колхиде и выразился таким образом: «Пусть приезжает. Повешу!»

Теперь коснемся обвинений европейских ученых в адрес Шлимана как человека без специального образования. Они несостоятельны. По начитанности он был выше любого тогдашнего профессора. Занимаясь самообразованием, он выучил санскрит и египетскую иероглифику. Не стоит забывать, как это делали в угаре критики, что Генрих Шлиман прослушал университетский курс в Сорбонне, посещал лекции в лучших учебных заведениях Англии. Он и сам читал лекции во многих странах Европы. Сохранившиеся воспоминания говорят о высоком уровне его исторических знаний и общей эрудиции. Археолог разбирался в топографии, географии, ювелирном искусстве, горном деле, тонкостях фольклора и во многом другом, не говоря уже о бухгалтерии и коммерции. Обвинения Шлимана в неправильной стратегии раскопок в Трое – это не открытие его критиков. Немецкий археолог сам писал и

говорил друзьям, что торопился, делал ошибки, снося один культурный слой за другим в стремлении быстрее найти дворцы легендарной Трои. В этой спешке он прошел слои гомеровского города и дошел до фундаментов, которые на 1000-1200 лет старше. Он с горечью зафиксировал в дневнике, что нашел то, что искал, но испортил и более древнее, и более молодое в слоеном городище. Но ведь тем самым он углубил историю древнего эгейского мира на целое тысячелетие.

Немецкий писатель К. Керам, популяризатор исторических наук, назвал нападки кабинетных ученых на Шлимана «недоверием мещанина к гению». Археолог В. Дерпфельд посчитал иронию ученых по отношению к открытиям и выводам Шлимана несправедливой и научно несостоятельной.

В 1889 году выступил в защиту Шлимана американский историк Фрэнк Уолстайн. Он заявил, что вмешательство немецкого археолога в слои холма Гиссарлык хотя и было достаточно грубым, но оказалось своевременным, ибо с XIII века окрестное население – подданные Османской империи – растаскивало камни Трои на свои убогие постройки. Сотни тонн античного мрамора они пережгли на известь...

Английские археологи задали разгоряченной мировой общественности вопрос: «Знаете ли, господа, куда поступает античное золото из мест раскопок в Турции?» И ответили: «В султанский гарем. Увы, таковы местные нравы. Вот и задумайтесь, что лучше для исторических редкостей: сераль или европейский музей...»

В 1930 году немецкие и американские историки вновь вступились за авторитет Шлимана. Археолог искал в Трое древнейшие деньги, которые, согласно «Илиаде», вручались героям военных дел. Речь о слитках золота, серебра и бронзы в виде воловьих шкур, топоров, дельфинов. Шлиман не нашел их, но заявил еще раз, что Гомеру не верить нельзя. Так вот американцы нашли близ острова Лесбос античный парусник именно с такими деньгами-слитками в трюме. Потом немцы обнаружили их в земле Пелопонеса и на Крите.

Шлиман, уверовав в «Илиаду», как в путеводитель по району Трои, искал следы похоронных кострищ и урны с прахом героев Троянской войны. На это у него не хватило времени, ушедшего как на споры с корыстными турецкими чиновниками, так и на принципиальные разборки с завистниками и клеветниками. И вот такие урны в 1982 году были откопаны в 7 километрах от стен Трои. Это был прах солдат и офицеров из Беотии, Фессалии, Аргоса и других провинций Греции. Еще три года спустя интересная новость пришла с Крита.

София Шлиман (вторая жена Генриха Шлимана) в золотом уборе, которым немецкий археолог в своем энтузиазме приписал легендарной Елене.

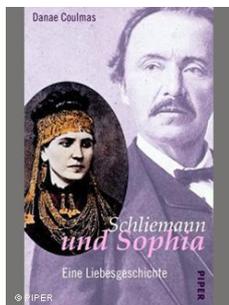
Мавзолеи Генриха Шлимана на окраине Афин.

Там было откопано несколько небольших саркофагов из обожженной глины. В них нашли заупокойные вазы, массивные кольца, золотые застежки, бронзовое оружие. Но ценнее всего оказались надписи и росписи на внешних стенах. Из них следовало, что здесь погребены участники Троянской войны, счастливо пережившие все перипетии осады и скончавшиеся от старости у себя на родине. Гомер, между прочим, упоминает большой отряд воинов, прибывших на подмогу к ахейцам на парусниках с Крита.

И вот еще одна немаловажная деталь. Современные Шлиману кабинетные историки причислили троянцев по их именам к грекам. Немецкий археолог более внимательно читал древних авторов и труды по сравнительному языкознанию. Он считал троянцев другим народом, находящимся в родстве с фракийцами, хеттами, лидийцами, мизийцами и тевкрами. И это было подтверждено специалистами во второй половине XX века. Словом, троянцы оказались из колена, родственного праславянам. Таков феномен Генриха Шлимана. Не случайно немецкий биолог Рудольф Вихров считал его не просто ученым, а специалистом с неисчерпаемой научной интуицией и провидцем с Божьей искрой. <...>.

Ефим Шуман³

6 января 2012 года исполняется 190 лет со дня рождения Генриха Шлимана, гениального археолога, отыскавшего Трою – город, в существование которого во времена Шлимана мало кто верил. Нашел он Трою не один.

Самый знаменитый снимок в истории археологии – это фотография жены гениального археолога-самоучки Генриха Шлимана (Heinrich Schliemann), который нашел легендарную Трою. На нем София Шлиман изображена с золотыми украшениями из обнаруженного археологом так называемого «клада Приама». Эту фотографию мы видим и на обложке книги Данаи Кульмас (Danae Coulmas) «Шлиман и София».

Со своей первой женой Екатериной Лыжиной Генрих Шлиман развелся за несколько лет до того, как познакомился с Софией. Он искал спутницу жизни, которая непременно должна была быть гречанкой. Шлиман написал одновременно несколько писем своим друзьям-грекам с просьбой найти жену «типично греческого облика, черноволосую и, по возможности, красивую», пусть бедную, но с хорошим образованием и добрым сердцем.

Подобная просьба сегодня, возможно, покажется дикой, однако не будем забывать, что речь идет о 60-х годах 19-го века. Тогда в этом не видели ничего позорного или безнравственного. Старый друг Шлимана, митрополит Пелопонесский, который в студенческие годы преподавал ему в Петербурге греческий язык, в ответ на его просьбу прислал ему фотографии нескольких девушек и их биографические данные. Среди «кандидаток» была и двоюродная племянница митрополита, с которой Шлиман поначалу отказался даже знакомиться, так как посчитал ее слишком юной для себя. Ей было всего 17 лет, а ему – 47. Но Шлиман так влюбился в фотографию Софии, что очень скоро решил: именно она будет его женой. Именно с ней он найдет Трою.

Невеста, похоже, права голоса не имела. Все решили ее родители. Суховатый немец явно не был похож на избранника, который виделся девушке в ее мечтах. Шлиман был маленького роста, сутулый, с непропорционально большой головой. Тяжелые веки, презрительно оттопыренная нижняя губа, щеточка усов... А как супруг он был настоящим тираном – во всяком случае, в начале их совместной жизни. Свадебное путешествие должно было показаться Софии настоящим кошмаром: три дня в Неаполе, два в Венеции, день в Мессине, несколько – в Риме, марш-броски по знаменитым музеям... Вечерами в отеле Шлиман занимался с женой итальянским, немецким и французским языками. Сам он был настоящим полиглотом: прекрасно знал более двух десятков языков, свободно читал и писал, например, на русском и на арабском.

Оба были поначалу страшно разочарованы друг в друге. А в результате прожили вместе больше 20 лет – до самой смерти Генриха Шлимана. Дошедшие до нас письма Софии к мужу (написанные в последующие годы их брака) полны нежности и искренней любви. Шлиман сознательно разделил свою мировую славу с женой, выдумав историю о том, как был найден знаменитый «клад Приама», «золото Трои», – историю, которая читается, словно увлекательный приключенческий роман. Якобы София тайно выносила золотые украшения из раскопа, завернув в шаль, чтобы рабочие не увидели и не разграбили клад. На самом деле Софии тогда вообще не было на раскопках в Турции: она уезжала домой, в Грецию, на похороны отца. И знаменитая фотография жены Шлимана с золотой диадемой на пышных черных волосах была сделана не у холма Гиссарлык, под которым скрывалась Троя, а позже, уже в Афинах.

³ Шуман Е. [О Генрихе Шлимане]. Режим доступа: <http://www.dw.de>.

Генрих Шлиман родился в мекленбургской деревне, в бедной семье протестантского священника. Отец пил, бил жену и детей. В конце концов, церковное начальство лишило его сана. В девятилетнем возрасте Генриха отправили к дяде, тоже пастору. Здесь он получил зачатки классического образования. В четырнадцатилетнем возрасте Шлиман стал мальчиком на побегушках в магазине, в котором торговали всякой всячиной. Спустя 15 лет он был уже миллионером, исключительно благодаря собственным талантам, трудолюбию и целеустремленности. Он стал сначала бухгалтером, а потом – одним из управляющих влиятельного торгового дома Schroeder and Co.

Торговый дом вел дела и с Россией. Тогда в Западной Европе людей, знавших русский язык, да к тому же таких блестящих специалистов торгового дела, можно было пересчитать по пальцам. Поэтому в 1846 году именно Шлимана, несмотря на его молодость (ему было всего 24 года), компания отправила своим представителем в Санкт-Петербург. Спустя год размеры его комиссионных, зависевших от объемов заключенных сделок, удвоились. Шлиман смог основать свою собственную фирму. Знание языка, широкий круг знакомств в аристократических и купеческих кругах России позволяли Шлиману обойти западных конкурентов, а уровень профессиональных знаний и налаженные деловые контакты в Германии, Голландии, Франции и Англии обеспечивали ему преимущество перед российскими купцами и предпринимателями.

Генрих Шлиман первым начал инвестировать в бумажное производство и типографское оборудование. В преддверии Крымской войны он вложил огромные деньги в плантации индигоносных растений, из которых добывался индиго – натуральный краситель синего цвета. Когда началась война и резко увеличился спрос на военные мундиры синего цвета, Шлиман оказался здесь монополистом и фактически смог диктовать цены на индиго. Англия объявила морскую блокаду России – и вот Шлиман, в обход блокады, через Восточную Пруссию и Мемель (сегодняшнюю Клайпеду) стал доставлять в Россию селитру, серу и свинец, без которых невозможно вести войну. Когда Крымская война окончилась, Генрих Шлиман считался уже одним из самых богатых капиталистов в России.

Его первая жена Екатерина Петровна Лыжина была племянницей богатого русского купца и дочерью влиятельного юриста, близкого ко двору. Прекрасная партия для богатого иностранца, чувствующего себя таким одиноким в чужой стране. Какое-то время Катерина (так она себя называла) колебалась. А сам Шлиман подумывал о том, чтобы перебраться в Америку. В 50-е годы 19-го века, когда начиналась «золотая лихорадка», он совершил далекое путешествие в Сакраменто, открыл там филиал своей фирмы и даже основал собственный банк. За год, проведенный в Америке, Шлиман заработал почти полтора миллиона долларов.

И все же он вернулся из Америки в Россию, где предложил Катерине Лыжиной руку и сердце. В 1854 году они поженились. Брак этот обернулся настоящей катастрофой. Почти все биографы Шлимана рисуют Катерину этаким мегерой – бессердечной, эгоистичной, недалекой. Но надо сказать, что и сам Генрих Шлиман был человеком с очень тяжелым характером. Во всяком случае, Катерина наотрез отказывалась сопровождать мужа в его многочисленных деловых поездках и путешествиях «для души». А Шлиман был страстным путешественником. Он объездил весь мир от Швеции до Египта, побывал в Индии, в Гималаях, в Китае и Японии, в Мексике и на Кубе.

Но Катерину не интересовали ни коммерческие дела мужа, ни его увлечение Гомером и мифами Древней Греции. Правда, она родила Шлиману трех детей, с которыми, кстати, Шлиман всю свою жизнь оставался близок. Он очень тяжело переживал смерть дочери Натальи (она умерла маленькой девочкой). А двое других – Сергей и Надежда – в его завещании упомянуты наравне с Андромахой и Агамемноном (детьми от второго брака).

Разрыв с Катериной Лыжиной был неизбежен, но она тянула с разводом. В конце концов, отчаявшийся Шлиман развелся с Екатериной заочно, в Соединенных Штатах. Американские законы это позволяли. И хотя Лыжиной грех было жаловаться на бывшего мужа (он щедро

обеспечил и ее, и детей), она всю жизнь сетовала на подлость супруга и утверждала, что их брак на самом деле не расторгнут. Из-за этого Генриха Шлимана считали при русском дворе двоеженцем, и позже он даже не мог приехать в Россию, так как его вполне могли посадить в Петропавловскую крепость. Когда решалась судьба «клада Приама» (Шлиман хотел подарить его той стране, которая создаст для троянских сокровищ музей, носящий его имя), то шла речь и о России. Но Александр Третий и слышать не захотел о том, чтобы вести какие-то дела с «губителем несчастной Лыжиной».

Легендарным городом из гомеровской «Илиады» Шлиман грезил с детства. Более двух с половиной тысяч лет назад слепой певец рассказал о том, как была похищена Елена Прекрасная, как бились герои Эллады под стенами осажденной Трои и как благодаря выдумке хитроумного Одиссея, спрятавшего воинов внутри огромного деревянного коня, ахейцам после десяти лет осады все же удалось победить троянцев. Большинство его современников считали всю эту историю и саму Трои художественным вымыслом Гомера. Но Шлиман всегда был убежден в том, что Троя существовала на самом деле. Вот только где?

Он снова и снова перечитывал «Илиаду», рассматривая ее как абсолютно достоверный фактический источник, как путеводитель, если хотите. И пришел к выводу (как и некоторые другие исследователи), что легендарный город был расположен в Малой Азии, где-то у входа в пролив Дарданеллы. Немало времени и денег ушло на то, чтобы получить «фирман» (разрешение) турецких властей на проведение раскопок на холме Гиссарлык, под которым, как предполагал Шлиман, находилась Троя. Он не ошибся. Он действительно нашел под Гиссарлыком гомеровский город. Нашел вместе с Софией.

Генрих Шлиман умер в 1891 году, София – в 1932-м. Он оставил ей огромное наследство, и она устраивала роскошные приемы для политиков и ученых. Но больше всего, как рассказывает Даная Кулмас, она тратила на благотворительные нужды. София давала деньги на больницы и детские дома, финансировала строительство первого в Греции общедоступного туберкулезного санатория... Перед зданием медицинского училища в Афинах, открытом в свое время благодаря Софии и носящем сейчас ее имя, стоит ее бронзовый бюст. Когда она умерла, правительство Греции приняло решение устроить ей официальные похороны. Гроб с ее телом провезли по улицам Афин. Траурную процессию возглавлял премьер-министр страны.

София и Генрих Шлиман похоронены рядом на самом высоком месте афинского кладбища, откуда открывается прекрасный вид на греческую столицу. На одной из сторон построенного здесь небольшого мавзолея – барельефы Генриха и Софии. А рядом – изображение троянских находок из «клада Приама».

II. САТИРИК РУДОЛЬФ ЭРИХ РАСПЭ

РУДОЛЬФ ЭРИХ РАСПЭ

(март 1737, Ганновер – 16 ноября 1794, Макрос, Ирландия)

- немецкий писатель

Олег Фочкин

Сказочно русский барон⁴

В этом году исполняется 270 лет со дня рождения немецкого писателя, поэта и историка Эриха Рудольфа Распе (1737-1794), автора бессмертных «Приключения барона Мюнхгаузена». Да и сама книга отмечает юбилей.

Основателем рода Мюнхгаузенов считают рыцаря Хейно, который в XII веке принимал участие в крестовом походе в Палестину под предводительством императора Фридриха Барбароссы. Потомки рыцаря нередко гибли в войнах и стычках. Судьба была милостива только к тому, кто стал монахом – по специальному указу его выпустили из монастыря. С него и пошла новая ветвь рода – Мюнхгаузен, что означает «дом монаха», поэтому на гербах всех Мюнхгаузенов изображен монах с посохом и книгой.

Иероним Карл Фридрих барон фон Мюнхгаузен родился 11 мая 1720 года в поместье Боденвердер недалеко от Ганновера. Его дом стоит и сейчас – в нем разместились бургомистрат и небольшой музей.

Иероним был пятым ребенком среди восьмерых братьев и сестер. Отец его умер, когда мальчику исполнилось четыре года. Судьба его была предопределена – военная служба. А начал он служить в 1735 году пажом в свите герцога Брауншвейгского. В это время сын герцога, принц Антон Ульрих Брауншвейгский, служил в России, готовился принять под командование кирасирский полк. Принц был одним из возможных женихов Анны Леопольдовны, племянницы русской императрицы. В 1738 году Антону Ульриху понадобился новый паж и Иероним фон Мюнхгаузен вызвался ехать в Россию.

В 1739 году состоялась пышная свадьба Антона Ульриха и Анны Леопольдовны. Юный Мюнхгаузен вопреки воле принца поступает корнетом в Брауншвейгский кирасирский полк, расквартированный в Риге. Уже через год он стал поручиком, командиром первой роты полка и полковым офицером.

В 1740 году у принца Антона Ульриха и Анны Леопольдовны родился первенец, нареченный Иваном. Императрица Анна Иоанновна незадолго до смерти провозгласила его наследником престола Иоанном III.

В 1741 году трон захватила Елизавета Петровна, и вся «Брауншвейгская фамилия» и ее сторонники были арестованы и помещены в Рижский замок. А поручик Мюнхгаузен стал их невольным стражником. Барон выступил в роли тайного агента, обеспечивавшего переписку принца с его родными в Вольфенбюттеле. Это была единственная связь арестантов с внешним

⁴ Фочкин О. Сказочно русский барон // Читаем вместе. 2007. июль. Режим доступа: <http://www.chitaem-vmeste.ru/pages/material.php?article=51&journal=60>.

миром. Возможно, именно ему удалось вынести на волю сокровища Бирона, спрятанные Анной Леопольдовной в пеленках сына.

В 1744 году поручик Мюнхгаузен командовал почетным караулом, встречавшим невесту русского цесаревича Софию Фредерику Августу – будущую императрицу Екатерину II. Потом он любил рассказывать, что целовался с ней и мог стать фаворитом, но отказался.

В том же году Иероним женился на прибалтийской немке Якобине фон Дунтен, дочери рижского судьи.

Получив чин ротмистра, Мюнхгаузен попросил отпуск для улаживания наследственных дел и уехал с молодой женой в Германию. Он дважды продлял отпуск, и был отчислен из состава полка. Так окончилась русская эпопея барона Мюнхгаузена, ставшая основой его удивительных приключений.

С 1752 года Иероним Карл Фридрих фон Мюнхгаузен жил в родовом имении в Боденвердере. О пребывании в России он вспомнил во время Семилетней войны, когда Боденвердер с округой оккупировала французская армия. Пришельцы обложили высоким налогом всех помещиков, кроме барона – Россия в той войне была союзницей Франции.

В поместье Мюнхгаузен построил павильон в модном тогда парковом стиле «грот» для встреч с друзьями. Уже после смерти барона грот прозвали «павильоном лжи», потому что, дескать, именно здесь хозяин рассказывал гостям свои фантастические истории. Как писал один из современников, «обычно он начинал рассказывать после ужина, закулив свою огромную пенковую трубку с коротким мундштуком и поставив перед собой дымящийся стакан пунша... И он – обычно очень правдивый человек – в эти минуты замечательно разыгрывал свои фантазии». Изредка старик баловался шнапсом, который полюбил в России. Страстный охотник, барон был не менее страстным книголюбом. Больше всего Мюнхгаузен любил книги о путешествиях, из которых черпал материал для своих фантастических рассказов.

Немцы слышат любителями шванок – удивительных историй с грубоватым юмором и смешными преувеличениями. Рассказы барона были такими, и их слушали с удовольствием.

Постепенно веселые фантазии Мюнхгаузена об охоте, военных приключениях и путешествиях стали известны в Нижней Саксонии, а после их опубликования – и по всей Германии. Однако к нему приклеилось обидное прозвище «Lügenbaron» – барон-лжец. А потом «король лжецов» и «вранья вруна всех вралей». Вымышленный Мюнхгаузен полностью заслонил настоящего. Считается, что наиопаснейшая ложь – та, в которую рассказчик сам искренне верит (у медиков даже существует термин «синдром Мюнхгаузена», означающий склонность к патологической лживости).

В 1790 году умерла любимая жена Якобина. Он проходил вдовцом четыре года, пока не влюбился в юную 20-летнюю Бернардину фон Брун, дочь отставного майора. Уже через полгода они весело отпраздновали свадьбу. Берни выписала из Ганновера оркестр и купила кучу обнов. Она упорно не допускала новобрачного к исполнению супружеских обязанностей, ссылаясь на головную боль. К тому же регулярно ездила в Боденвердер.

Молодая жена уединялась в гостинице с писарем Хюденом. А брак был задуман Берни и ее отцом, чтобы скрыть ее беременность от того же Хюдена и воспользоваться наследством доверчивого старика. Разразился скандал: Бернардина родила дочь, которую престарелый супруг, имея на то веские основания, признать отказался своей. Начался бракоразводный процесс, окончательно разоривший старика Мюнхгаузена.

От пережитых потрясений барон уже не сумел оправиться и умер 22 февраля 1797 года. Но до самой смерти он остался верен себе: когда ухаживавшая за ним верная экономка спросила, почему у него не хватает двух пальцев на ноге (их он отморозил в России), барон гордо сообщил, что их откусил белый медведь! Он был похоронен в фамильном склепе под полом церкви деревни Кемнаде в окрестностях Боденвердера...

Лет через сто в санитарных целях из церкви решили убрать захоронения и вскрыли могилу «барона-враня». Очевидец вспоминал, что тело оказалось совершенно не тронутым тлением – Мюнхгаузен лежал, как живой, «широкоплечий мужчина с грубым, но добрым лицом, гладко выбритый, со сложенными руками». Кто-то открыл окно, и покойник тут же рассыпался в прах. Участники церемонии так испугались, что забыли обозначить место, куда перенесли останки барона. С тех пор он лежит в безымянной могиле.

В любом справочнике Боденвердер обозначен как родина Мюнхгаузена или Muenchhausenstadt, а на туристических проспектах рядом с городским гербом красуется летящий на ядре улыбающийся барон – символ города.

Однажды в берлинском юмористическом альманахе «Путеводитель для веселых людей» появилось несколько рассказов «весьма остроумного господина М-х-з-на, который живет неподалеку от Ганновера». Это была уже вторая книга. Впервые истории напечатали еще за 20 лет до этого – в 1761 году, в книжечке «Чудак», изданной в Ганновере, – пока что без ссылок на рассказчика.

По одной из версий, охотничьи байки барона услышал 47-летний писатель Рудольф Эрх Распе и положил их в основу своих гениальных литературных опусов, причем первое издание 1785 года «Повествование барона Мюнхгаузена о его чудесных путешествиях и походах в Россию» было анонимным и продавалось по шиллингу. Автор небольшого томика, появившегося в книжных лавках Лондона, уроженец Ганновера Распе в обличении лжецов видел воспитательное значение своей сатирической пародии. В 1786 году книжка из Лондона вернулась в Германию в переводе немецкого поэта Готтфрида-Августа Бюргера, отредактировавшего рассказы и даже добавившего к ним несколько историй (в частности, о знаменитом полете на ядре). Она называлась «Удивительные путешествия на воде и на суше, походы и веселые приключения барона Мюнхгаузена, как он сам их за бутылкой вина имеет обыкновение рассказывать».

Барону рассказы, в которых он предстает хвастуном и трусом (спрятался от медведя на дереве), обманщиком (убежал от султана, которому клялся служить) и вдобавок пьяницей, очень не понравились. Он просто взбесился! Его – правдивого человека – превратили в объект насмешек и опозорили! Мюнхгаузен подал в суд за клевету, но поскольку первое издание было анонимным, суд отклонил иск (о том, что автором «Повествования...» являлся Распе, стало известно лишь спустя годы).

Профессор античности в Кассельском коллеже Карла Великого Распэ интересовался всем на свете – поэзией, минералогией, философией и рассказами Мюнхгаузена, послушать которые специально приезжал в Боденвердер. Он был хранителем кунсткамеры ландграфа Гессен-Кассельского и не удержался – продал редкие монеты из коллекции, чтобы расплатиться с долгами. Пропажа была открыта, и ему пришлось бежать в Англию. Чтобы прокормить семью, нищий эмигрант решил взяться за перо. Похождения барона оказались такими невероятными, что книга была сметена с прилавков за пару недель. В следующем году выпущено подряд четыре ее издания! Последнее издание вышло под названием «Возрожденный Гулливер».

За два столетия в разных странах издано не менее 600 книг с продолжением приключений барона. <...>

Белоусов Роман

Слава и позор барона Мюнхгаузена⁵

Кто не знает достославного барона Мюнхгаузена! С его необыкновенными приключениями мы знакомимся еще в детстве. На всю жизнь нам запоминается образ находчивого барона, заядлого охотника и путешественника, но еще больше отчаянного враня, лгуна из лгунов, фантазера из фантазеров, которому едва ли найдется равный в мировой литературе. <...>.

Но, вспоминая имя героя всемирно известной веселой книжки, мало кто знает, что Распе вывел на страницах своей сатиры реальную личность. В том, что существовал подлинный, во плоти и крови, живой прототип славного барона Мюнхгаузена, легко убедиться, посетив небольшой уютный городок Боденвердер. <...>.

Места эти издавна славились охотой. Еще двести лет назад в окрестных лесах часто раздавались голоса охотничьих рожков. В перелесках и зарослях, где, по преданию, король Генрих, прозванный Птицеловом, расставлял когда-то свои силки, проносились своры борзых, скакали всадники, размахивая арапниками и оглашая чащу гиканьем и криками.

Самым заядлым из местных охотников был тогда владелец старинного поместья в Боденвердере. Целые дни проводил он в седле, гоняясь за дичью. А по вечерам, после удачной охоты, у него собирались друзья, соседи и знакомые, чтобы распить стаканчик вина, поболтать, а главное – послушать владельца поместья, его рассказы об удивительных приключениях, случавшихся с ним на охоте и во время путешествий.

Обычно хозяин приглашал гостей в павильон, построенный им в 1763 году на склоне в саду, усаживался в кресло, раскуривал пенковую трубку и, прихлебывая из бокала пунш, который не забывал ему подливать стоявший рядом слуга, начинал рассказывать. Это был подлинный мастер импровизации. По мере того как он воодушевлялся собственным повествованием, дым из трубки струился все гуще, лицо преображалось, руки становились более беспокойными, и маленький паричок начинал приплясывать на его голове то ли от сотрясений, вызванных жестикуляцией, то ли оттого, что, увлекаясь, рассказчик непрестанно почесывал в затылке. Постепенно повествование его покидало берега реальности и челн воображения устремлялся в море безбрежной фантазии. Правда незаметно переходила в ложь, перемешивалась с вымыслом. Однако природная наблюдательность, меткие характеристики, живой юмор и дар красноречия увлекали слушателей. Иные внимали рассказам, развесив уши. Другие, те, кто был менее доверчив, посмеиваясь в душе над хвастовством охотника, отдавали должное искусству рассказчика барона Мюнхгаузена, ибо это был он собственной персоной. Но не всемирно известный литературный герой, а такой, каким он предстает перед нами в воспоминаниях современников. Иероним Карл Фридрих фон Мюнхгаузен, послуживший лишь прототипом персонажа прославленной книги.

За два столетия в Боденвердере мало что изменилось. Великий гример – Время – едва прикоснулся к городу своей рукой, повсюду приметы старины, осколки былого. Если про Веймар говорят, что это город «домов» – здесь дома Гете и Шиллера, писателя Гердера, художника Кранаха, композитора Листа, поэта Виланда и философа Ницше, то Бо Денвер дер-город одного «дома». Сегодня главная его достопримечательность – усадьба, где жил знаменитый барон Мюнхгаузен. В любом справочнике Боденвердер так и обозначен, как «родина Мюнхгаузена», а на туристских проспектах рядом с городским гербом неизменно

⁵ Белоусов Р. С. Слава и позор барона Мюнхгаузена // Тайны великих книг: Неизвестная жизнь знаменитых литературных героев. Москва : РИПОЛ классик, 2004. С. 38-59.

красуется летящий на ядре приветливо улыбающийся барон-символ города, его рекламная вывеска, приманка для туристов.

В старинном доме, окруженном тенистым вековым парком, сейчас музей Мюнхгаузена. Около здания памятник-фонтан: Мюнхгаузен сидит на лошади, заднюю часть которой, как вы помните, отсекло во время жаркого боя: «Поэтому вода вытекала сзади по мере того, как она поглощалась спереди, без всякой пользы для коня и не утоляя его жажды». До наших дней сохранился и павильон Мюнхгаузена, где он имел обыкновение за бутылкой вина рассказывать свои истории. Немного на свете таких уголков – музей в честь литературного героя! Впрочем, это не совсем точно. Музей этот особый, можно сказать, специфический. Он посвящен прототипу героя книги – подлинному Мюнхгаузену, приобретенному, однако, известность лишь благодаря своему литературному тезке. <...>.

Однажды майским вечером 1773 года у барона, как обычно, собралась компания друзей и приезжих. Хозяин, только что вернувшийся с удачной охоты, был в прекрасном расположении духа, история одна занимательнее другой так и лились из его уст.

Среди слушателей находился гость в красном мундире – судя по костюму, приближенный одного из бесчисленных в то время немецких князьков. Это был тридцатилетний Рудольф Эрих Распе, служащий при дворе Фридриха Второго, ландграфа Гессей-Кассельского. Или, как он официально представился, княжеский советник, хранитель древностей и заместитель-библиотекарь, профессор античности в кассельском колледже Карла Великого. Выполняя задание своего ландграфа, Распе совершал поездки по монастырям, отыскивая манускрипты и памятники старины. Это и привело его в Боденвердер, неподалеку от которого был расположен древний монастырь Кемнадэ.

В этот вечер встретились два человека, имена которых ныне стоят рядом: Распе и Мюнхгаузен.

Десятки имен немецких писателей XVIII столетия смотрят на нас с книжных полок. Среди них Распе мало заметен, он как бы притаился в тени гениев своей эпохи, и слабый огонек его известности, скорее, тлеет и дымится, чем горит в полную силу.

Плодовитость его как литератора была невелика. Все, что им написано, включая прозу, стихи, пьесу, статьи по искусству, научные работы, – все это сегодня предано забвению. И только одна небольшая книжка – плод его таланта сатирика, созданная между делом, как бы шутя и, возможно, лишь ради заработка, пережила века и поныне поддерживает пламя его известности.

Распе – человек одной книги. Его имя в нашем сознании связано исключительно с одним произведением – «Приключениями барона Мюнхгаузена». Но если имя Распе благодаря этой книге не забыто, то наши знания о нем как о человеке, о его жизни весьма скудны. Его облик растворился в водах времени, утратил четкие контуры, расплылся. Молчание будет ответом всякому, кто проявит интерес к его жизни, к тому, при каких обстоятельствах была написана одна из самых веселых в мире книг. А знать это важно, ибо, как говорил Гёте, если вы хотите постичь произведение искусства, мало прочесть его, надо знать, как оно было создано.

Рудольф Эрих Распе родился в Ганновере в 1737 году, в том самом, когда открылся Геттингенский университет. Будущий писатель появился на свет в обедневшей семье ганноверского чиновника, где о былом величии предков напоминали лишь фамильные предания. Еще молодым Распе понял: чем тешить свою родовую спесь и кичиться происхождением (один из его предков был маркграфом Тюрингии), лучше рассчитывать на собственные силы.

В восемнадцать лет он переступает порог своего ровесника – Геттингенского университета – «бессмертного создания» первого его куратора Герлаха Адольфа фон Мюнхгаузена, близкого родственника боденвердерского барона.

В сером, старчески умном Геттингене, знаменитом своими колбасами, Распе задержался недолго. Через год он покидает его и направляется в Лейпциг, город с высокими, красивыми и однообразными домами, производившими на Гёте особое впечатление своими размерами; это был торговый центр, уже тогда славившийся ярмарками, город, где одних книжных магазинов насчитывалось более двадцати. Здешний университет – старейший в Европе (основан в 1409 году), известен был не только своей бесплатной столовой на триста человек (что и говорить – вещь редкой в ту пору), но прежде всего своими преподавателями и тем кругом знаний, которые он давал.

В его аудиториях Распе постигает сущность прекрасного, изучает античность и археологию. Увлекается геологией – наукой о богатствах земли, которая, он надеялся, раскроет перед ним свои сокровища. Страсть эта, к его досаде, оставалась неразделенной, ибо науку он помышлял приспособить к своим целям, и не удивительно, что никогда по – настоящему не пользовался ее «взаимностью». Внешность его нисколько не соответствовала традиционному представлению об усидчивом, педантичном и лишенном юмора немецком ученом. Напротив, это был живой, веселый и очень подвижный человек, умевший по достоинству оценить острое словцо, любивший и сам пошутить, а иногда и зло посмеяться над кем – либо. Говорят, характер можно определить по почерку. Характер Распе ни в чем так не проявлялся, как в походке – тоже своего рода «почерке» человека. Современники прозвали Распе «стремительным» не только потому, что такой была его походка и так порывисты движения, словно он то и дело подвергался воздействию налетавшего на него с разных сторон ветра. Он и внутренне был чрезмерно импульсивен, воображение постоянно рождало в его голове новые замыслы и планы, которые он, не задумываясь, бросался осуществлять. Этим объясняется и его разбросанность, многосторонние интересы, стремление к различным знаниям. И не потому ли ему не сиделось на месте и переменчивые ветры носили его парус по городам и весям Германии, карта которой в ту пору напоминала лоскутное одеяло из трехсот мелких самостоятельных княжеств и графств.

Из Лейпцига, где Распе провел три года, почтовая карета мчит его снова в Геттинген. Получив диплом магистра, он возвращается в родной Ганновер – тогда английское владение – и в 1760 году поступает в Королевскую библиотеку. Зарывшись в книги, целыми днями просиживает в ее залах, читает все, что поступает из Лондона и Парижа, Амстердама и Лейпцига. Увлекается наукой и философией, но особенно – поэзией <...>. Не забывает он обзаводиться и полезными знакомствами, переписывается со многими выдающимися людьми своей эпохи: известным археологом Винкельманом, которого считает своим учителем, с уже знаменитым тогда Лессингом, берлинским книгоиздателем Ф. Николаи, философом Якоби, с Гердером, чьи взгляды на народное искусство окажут на него, как и на Гёте, большое влияние и, наконец, с американцем Б. Франклином, ученым и видным политическим деятелем.

Семь лет проведет Распе в стенах библиотеки. За это время имя его станет известно в кругах ученых и литераторов, будут опубликованы его первые произведения – поэма «Весенние мысли», одноактная комедия «Пропавшая крестьянка», роман «Гермин и Гунильда, история из рыцарских времен, случившаяся в Шеферберге между Аделепсеном и Усларом, сопровождаемая прологом о временах рыцарства в виде аллегорий».

В 1766 году открывается вакансия хранителя библиотеки и профессора в кассельском колледже Карла Великого. Поначалу место предлагают Лессингу, но тот отказывается, несмотря на то, что должен получать на сто талеров больше. Тогда в Касселе вспоминают о подающем надежды молодом ганноверском ученом и литераторе Распе. Ландграф, предлагая ему пост при своем дворе, обращается к нему с письмом, начинающимся словами: «Наш верный и любимый Р.Э. Распе...» <...>. Он решает испытать судьбу – слишком заманчиво предложение: семьсот талеров не валяются на дороге! И летом следующего года Распе сначала на почтовых, а затем по судоходной Фульде добирается до Касселя. В середине XVIII века это был уже один из красивейших городов Германии. Самолюбивый Фридрих Второй стремился во всем подражать европейским монархам. Не считаясь с затратами, влезая в долги и обирая свой

народ, он украшал город, строил дворцы и разбивал парки, соорудил водяной каскад, в миниатюре повторяющий фонтаны Версаля. Двор содержал на широкую ногу: свой архитектор, медик, придворные профессора и повара, своя актерская труппа, свой хранитель библиотеки и коллекции древностей – гордости ландграфа, которая, однако, находилась в беспорядке. И первая обязанность нового хранителя, помимо чтения лекций в колледже по истории, искусствоведению, нумизматике, геральдике и другим наукам, состоит в том, чтобы привести в порядок эту сокровищницу, составить опись предметов. Энергичный Распе принимается за дело. Коллекция насчитывает 15 тысяч ценных предметов, из них семь тысяч серебряных и около шестисот золотых, он лично несет ответственность за их сохранность. Опись этого собрания древностей, послужившего в будущем основой кассельского музея, занимает более десяти томов.

Кроме этой кропотливой работы, Распе публикует статьи о методах добычи белого мрамора, о вулканическом происхождении базальта, пишет о пользе и употреблении резных камней, печатает опыт древнейшей и естественной истории Гессена, изданный затем в Англии, и другие труды. И вскоре к званиям, которые имел при дворе ландграфа, он с гордостью может добавить звание члена Лондонского Королевского общества, члена Нидерландского общества наук в Гарлеме, а также – члена Германского и исторического институтов в Геттингене, почетного члена Марбургского литературного общества и, наконец, звание секретаря Нового кассельского общества сельского хозяйства и прикладных наук. В голове тайного советника Распе, ибо он теперь повышен в должности при дворе, роятся тщеславные замыслы, он полон надежд...

В этот, казалось бы, безоблачный час своей жизни, когда друзья поздравляют его с успехом и желают новых удач, он, не подозревая, сам готовит свое будущее падение. С непростительным легкомыслием Распе делает долги, не в состоянии их покрыть – погрязает в новых, надеясь потом как –нибудь выпутаться. Между тем ландграф все больше доверяет ему и в подтверждение этого не раз посылает своим эмиссаром с секретными дипломатическими поручениями. К таланту искусствоведа и археолога, литератора и геолога прибавляется талант дипломата.

В Касселе всячески стремятся поощрять его на этом поприще и предлагают пост посла в Венеции, что пришлось ему по душе: он давно мечтает побывать в Италии. А кроме того, отъезд на время избавит его от преследований кредиторов, которые становятся все настойчивее. Повинуясь первому порыву, он соглашается. Только потом Распе понимает, что назначение это преследует неблагоприятные цели: его молодая и красивая жена не должна ехать с ним, она остается при дворе ландграфа...

В этот момент с новой силой вспыхивают слухи о его неплатежеспособности, и он чувствует, как долговая петля затягивается все туже. Однако по его внешнему виду нельзя догадаться о том, что творится у него на сердце, он же близок к отчаянию – здание благополучия, возведенное им с таким усердием и тщанием, рушится.

В октябре 1774 года посланник Распе трогается в путь. Но вместо Венеции направляется по берлинской дороге. На первой же остановке к нему присоединяется жена с детьми. Это уже похоже на настоящее бегство. Трудно сказать, предвидел ли он последствия своего поступка. Скорее всего нет, и, видимо, действовал по первому побуждению.

Прибыв в Берлин, Распе еще пытается спасти положение, он мечется в надежде раздобыть денег и заткнуть рты кредиторам, которые, узнав о его отъезде, подняли шум. К тому же поползли слухи о том, что профессор Распе, покинув Кассель, прихватил с собой и часть коллекции ландграфа – геммы и монеты, а вырученные от их продажи деньги намерен вложить в добычу фарфоровой глины. Один из друзей Распе свидетельствует, что действительно видел тогда у него эти злополучные монеты, геммы и медали.

В Касселе расследуют все обстоятельства дела, и, убедившись, что недостача в коллекции налицо, приказывают Распе немедленно явиться для отчета. Испугавшись, он возвращается, надеясь, «что лучший из принцев» окажется и самым снисходительным из них. Эту его иллюзию очень скоро развеивает действительность. Распе забыл слова своего современника поэта, музыканта и журналиста Шубарта, предостерегавшего братьев – писателей не задевать венценосцев, ибо их короны насыщены электричеством и мечут молнии, стоит только к ним прикоснуться. Прикосновение Распе было подобно короткому замыканию – он осмелился нанести материальный ущерб своему князю. Ему предлагают возместить убытки, которые исчисляются, по некоторым данным, в 4 – 5 тысяч талеров, но одновременно заявляют, что не могут гарантировать ему безопасности. Что это означало – для него было ясно. На рассвете следующего дня по улицам Касселя проскакал всадник, закутанный в плащ, – Распе покидает город.

Вслед ему полиция рассылает оповещение во все земли Северной Германии с просьбой об аресте исчезнувшего Распе: *«Бывшего тайного советника, находившегося на гессенской службе, среднего роста, лицо скорее длинное, чем круглое, глаза небольшие, нос довольно крупный, с горбинкой, острый, под коротким париком рыжие волосы, носит красный мундир с золотым кантом, походка быстрая»*. Эти несколько строк рисуют нам его внешность, словесное описание которой тем более для нас ценно, что сохранилось очень мало изображений Распе. Одно из них – миниатюра английского художника Тасси, наиболее, пожалуй, верно передает его облик, совпадающий с описанием его в оповещении полиции Касселя.

Четыре дня спустя, 19 ноября 1775 года, Распе арестовывают в Клаустхалле, где он скрывается, и ему вновь приходится возвращаться в Кассель, только теперь уже в сопровождении полицейского чиновника.

Что ожидало его? Позор и презрение? Тюрьма! И то и другое – Распе не сомневается. И все же в глубине души он еще надеется на прощение, на милость венценосца; таков был Распе – стяг надежды неизменно реял на мачте его корабля.

По пути в Кассель Распе вместе с сопровождающим останавливается на ночлег в дорожной гостинице. За ужином несчастный профессор рассказывает полицейскому свою печальную историю. И тут происходит неожиданное. Исповедь беглого ученого производит впечатление, полицейский молча подходит к окну в сад и, распахнув его, покидает комнату. Распе прекрасно понимает намек и, оправдывая свое прозвище «стремительный», мгновенно исчезает в темноте...

На этот раз, как русло потока, теряющегося в пустыне, он пропадает, не оставив на своем пути никаких следов, кроме польской старинной монеты достоинством в 70 дукатов – чудесного образца из коллекции ландграфа, которую позднее обнаружит полиция у гамбургского ростовщика.

Раньше Распе часто признавался в своей симпатии к Англии, поэтому не удивительно, что вскоре он объявился на британской земле.

Первое время ему было особенно трудно. Он кормится тем, что переводит на английский язык дотоле неизвестных здесь немецких авторов, в частности, драму Лессинга «Натан Мудрый», появившуюся уже после его бегства. Видимо, у Распе сохранились связи с континентом, ибо только от друзей он мог получать литературные новинки для перевода.

Приблизительно в то же время у него на родине, в 1781 году, в берлинском юмористическом альманахе «Путеводитель для веселых людей» появляются шестнадцать рассказов – анекдотов под общим названием «Истории М – х – з – на». «Возле Г – вера, – говорилось в предисловии к ним, – живет весьма остроумный господин М – х – з – н, путивший в оборот особый род замысловатых историй, авторство которых приписывается ему».

Через два года, в том же журнале были опубликованы «Еще две небылицы М.». Кто был их автором? Сам барон Мюнхгаузен? Едва ли, если учесть, как он потом реагировал на то, что стал всеобщим посмешищем. Тогда кто же сочинил эти забавные истории, высмеяв в них спесивых немецких юнкеров – помещиков?

... Лондонский книгоиздатель М. Смит осенью 1785 года был доволен своими делами. Небольшую книжку ценой в один шиллинг «Повествование барона Мюнхгаузена о его чудесных путешествиях и походах в Россию» расхватили в один день. Ее автор, пожелавший для читателей остаться неизвестным, этот пройдоха немец Распе, не обманул его надежд. И вскоре выходит дополненное издание с предисловием анонимного автора. В нем Распе утверждает, что книга обязана своим существованием подлинному барону Мюнхгаузену, принадлежащему к одному из первых дворянских родов Германии, человеку «оригинального склада мыслей». Своими рассказами о путешествиях, походах и забавных приключениях барон обличает искусство лжи и дает каждому, кто попадает в компанию завзятых хвастунов, в руки средство, которым он мог бы воспользоваться при любом подходящем случае. «А такой случай, – говорит Распе, – всегда может представиться, как только кто –нибудь, под маской правды, с самым серьезным видом начнет преподносить небылицы и, рискуя своей честью, попытается провести за нос тех, кто имеет несчастье оказаться в числе его слушателей». «Каратель лжи» – так определяет Распе морально – воспитательное значение своей сатирической пародии на вралей и хвастунов.

В этом предисловии Распе не раскрыл, однако, своей писательской «кухни». В противном случае он должен был бы пояснить, что хотя и вывел в книге реального человека, но использовал в ней народные смешные рассказы и истории, в том числе и те, что в свое время были опубликованы в берлинском альманахе. Должен был бы также признать, что подлинный Мюнхгаузен не был до такой степени фантастическим лгуном, он послужил лишь возбудителем творческого воображения Распе, что это только прототип – завязь, почка, превратившаяся в пышный цветок легенды.

Несмотря на успех и неоднократные переиздания книги Распе, ее заметила одна лишь газета «Критикел ревью», посвятив всего несколько слов тому, что это сатирическое произведение и что никогда еще фантастическое и смешное не доводилось до такой степени. Да и сам автор не придавал особого значения своему незатейливому рассказу – единственной книге, благодаря которой он не забыт и сегодня, и никак не мог предполагать, что этот томик сохранит его имя потомкам. Иначе разве Распе добровольно отрекся бы от авторства – он, так мечтавший достичь известности. Ведь только тридцать лет спустя после смерти автор «Мюнхгаузена» был случайно «открыт», как когда – то сам открывал забытые памятники старины. <...>.

Распе не был рожден для жизни, полной приключений. И хотя его подчас называют авантюристом, а то и просто проходимцем, он не являлся им по своей натуре. То, что с ним произошло, угнетало его самого и делало глубоко несчастным. Незадолго до того, как исчезнуть из Германии, он жаловался другу на свою судьбу и, глядя на портрет жены, не мог сдерживать слез. Распе понимал, что повинен во всем был он сам и как герой Мольера мог воскликнуть: «Ты этого хотел, Жорж Данден!»

Энергичный человек, он полагал, что не останется без работы среди энергичного народа. Вот когда особенногодились его знания по геологии и горному делу. Наука, по его словам, перестала быть в его руках игрушкой, он стремится сделать ее источником обогащения. Но для того чтобы добиться чего–нибудь, нужно было быть расчетливым, практичным, обладать трезвым умом дельца и предпринимателя.

Отсутствие у себя этих качеств Распе пытается возместить знакомством и службой у известного промышленника, «железного короля» Англии Метью Баултона, – человека, который помог Джеймсу Уатту воплотить в жизнь его гениальное изобретение – паровую машину.

Теперь основная работа Распе – разведка и добыча полезных ископаемых. Надежда ведет его по долинам и горам Англии, он все еще мечтает о своем Эльдorado. Но даже с его энергией и энтузиазмом Распе не мог извлечь ничего более ценного из этой земли, чем торф.

Его видят в шумном Лондоне и ученом Кембридже, в индустриальном Бирмингеме и в сумрачном Эдинбурге, он забирается в самые отдаленные уголки «радужной Шотландии». Может быть, его скитания – это всего лишь желание заглушить тоску, унять отчаяние – у него не было дома, семьи, он никогда больше не видел своих детей: они остались в Германии. У него не было родины.

Пути изыскателя привели Распе в Дублин. Отсюда он двинулся на запад Ирландии в край Калларнийских озер. Здесь пришел конец его длительным странствиям. Заболев сыпным тифом, он умер в 1794 году пятидесяти восьми лет. Могила его затерялась среди ирландских болот. И только запись в приходской книге церкви Св. Марии напоминает о Рудольфе Распе, авторе «Приключений барона Мюнхгаузена».

III. СКАЗОЧНИК ВИЛЬГЕЛЬМ ГАУФ

ВИЛЬГЕЛЬМ ГАУФ

(29 ноября 1802, Штутгарт – 18 ноября 1827, Штутгарт)

– немецкий писатель и новеллист

Андрей Немзер

Сказка о маленьком сказочнике⁶

Двести лет назад родился Вильгельм Гауф

Странные дела творятся на белом свете. В здоровенном шестом томе нашей «Истории всемирной литературы» (М., 1989) имя Вильгельма Гауфа не упоминается вовсе. Нет не только персональной статьи, но даже упоминаний в общих списках. Конечно, затеряться в многоцветной и многоголосой толпе немецких романтиков просто – понятно, что Гауф не Новалис, не Гельдерлин, не Brentano и не Гофман. Но ведь нашлось место в академическом издании для Тика и Арнима, Уланда и Эйхендорфа, Шамиссо и Ла Мотт Фуке. Чем, спрашивается, два последних сочинителя, создатели соответственно «Истории Питера Шлемиля» и «Ундины», лучше Гауфа? Тем, что Шамиссо правильно мыслил о декабристах, а «Ундину» Жуковский претворил в волшебные русские стихи? Но ведь и Гауф в «пламенных реакционерах и клерикалах» не числился, а прихоти гениальных поэтов (это я о Жуковском) закона нет. Можно, конечно, сетовать, что Жуковский не совершил еще одного чуда – не прикоснулся к «Сказанию о гульдене с оленем» или «Холодному сердцу» (вполне мог бы), но ведь без сказок Гауфа (в «обычных» переводах, а того чаще – пересказах) невозможно представить себе детство многих поколений российских читателей. Разве можно забыть колдовской суп, что погрузил Якоба в колдовской многолетний сон и превратил мальчугана в уродливого карлика с кошмарным носом? А смешливого калифа, что чуть не остался на всю жизнь аистом? А Маленького Мука? Или мы хотим уподобиться коварному деспоту, что получил надежное средство от беспамятности и жестокосердия?

«- Вероломный король, – заговорил он, – ты платишь неблагодарностью за верную службу, да будет тебе заслуженной карой уродство, которым ты поражен. Я оставляю тебе длинные уши, дабы они изо дня в день напоминали тебе о Маленьком Муке.»

Сказав так, он стремительно перевернулся на каблуке, пожелал очутиться где-нибудь подальше, и не успел король позвать на помощь, как Маленький Мук исчез. С тех пор Маленький Мук живет в полном достатке, но совсем одиноко, ибо он презирает людей. Житейский опыт сделал его мудрецом, который, невзирая на странную наружность, более заслуживает уважения, нежели насмешки». Напомним, что рассказавший эту историю купец Мулей услышал ее от отца, который перед тем основательно выпорол сынишку, по глупости дразнившего почтенного старичка ростом «не больше трех-четырёх футов».

В отличие от своего героя Гауф людей не презирал, а жалел. Поэтому так значимы развязки его историй. Счастливые и словно бы небрежные. Почему калифу и визирю, нарушившим запрет на смех (между прочим, потешаясь над забавными аистами они, по сути, глумились над собой – и Гауф дает это почувствовать), все-таки удалось вернуть себе человеческое обличье, а потом и власть над Багдадом? Ведь калиф совсем не хотел жениться на

⁶ Немзер А. Сказка о маленьком сказочнике. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/nemzer/hauff.html>.

заколдованной сове, не верил, что она – прекрасная принцесса, толковал о «делке вслепую»! Да потому, что калиф совсем не злодей и урок временного пребывания в перьях аиста художественно усвоит. Как расколдованный Якоб (бывший Карлик Нос) с гусыней Мими добрались до волшебника Веттербока, что снял чары со своей «оптичевшейся» дочери? Да как-нибудь уж добрались. Почему Стекланный Человечек все же помог злосчастному Петеру Мунку вернуть себе человеческое сердце да к тому же еще воскресил убитую Петером же Лизбет? Да потому, что глупая жажда наживы, что заставила угольщика поддаться искушениям Михеля Голландца и долго жить грешником с «холодным сердцем», не схрумкала героя вчистую. Да потому, что, как говорит мудрый Стекланный Человечек, «жаль мне тебя, хоть ты и негодяй». (Так жалеет своих непутевых братьев Куно в «Сказании о гульдене с оленем» – и не его вина, что хамы принимают доброту за слабость и сами торят себе дорогу к гибели. Так в «Стинфольской пещере» жалеет обезумевшего Вильма Коршуна его лопухий друг Каспар Колпак, хотя жалость эта оборачивается для него самого потерей души и вечными муками.) Почему раскаялся атаман разбойников (обрамляющая новелла «Харчевни в Шпессарте», последней Гауфовой книги сказок, той самой, где появились его шедевры – «Сказание о гульдене с оленем» и «Холодное сердце»)? Да потому, что темных греховодников и без того много. (Прежде вину свою искупил другой «благородный разбойник» – повелитель пустыни Орбан, по почину которого рассказываются шесть сказок «Каравана».) Прощать – прерогатива не только мудрых героев (после разоблачения будет прощен самозванец-портной из «Сказки о мертвом принце»), но и писателя. В общем-то знающего, что судьба далеко не всегда так милостива, как в «Истории Альмансора» (здесь спасителем героя, араба, злой волей большой истории заброшенного в далекий «Франкистан», оказывается общеевропейский «муж судьбы», тот, кто в Египте был знаком герою как *Petit Caporal*, а потом обернулся «султаном франков», императором Наполеоном).

В уже не раз упомянутом «Сказании о гульдене с оленем» все кончается «правильно» – злые братья получают по заслугам. Только прежде того, схоронив своих единственных друзей – мудрую колдунью и славного капеллана, «добрый Куно умер на двадцать восьмом году». И вовсе не факт, что от яда, который подослал ему младший братец, как утверждают «злые языки». Может быть, просто так.

Гауф не дожил и до двадцати восьми – умер в двадцать пять. Хотя никакими ультраромантическими зловещими предзнаменованиями жизнь его отмечена не была. Родился в почтенной семье вюртембергского чиновника. Учился в почтенном Тюбингенском университете. Как и подобает доброму буршу, проказил – вволю, но в меру. (Веселые студенческие безумства отозвались прелестным рассказом «Фантасмагории в бременском винном погребе». – Проезжая в почтовой карете мимо статуи Роланда, я весьма дружески поклонился рыцарю давних времен, и к ужасу почтальона он кивнул мне каменной головой.) После университета был домашним учителем и довольно успешным литератором «широкого профиля». Сочинил множество стихов, новелл и два романа. Один из них – «Лихтенштейн», о позднесредневековой Германии – через столетие без малого надолго околдовал отроковицу Цветаеву и отозвался стихотворением в ее «Вечернем альбоме»: *Мы лежим, от счастья молчаливы,/ Замирает сладко детский дух./ Мы в траве, вокруг синеют сливы,/ Мама Lichtenshtein читает вслух* («Как мы читали Lichtenstein»).

Женился на любимой кузине. И, подхватив грипп, скончался через неделю после рождения дочери.

Предчувствовал ли он раннюю смерть, мы никогда не узнаем. Знаем мы – читатели и почитатели трех высших созданий Гауфа, сказочных сборников «Караван», «Александрийский шейх и его невольники», «Харчевня в Шпессарте» – другое: уют и покой, честный достаток, семейный лад и дружескую беседу Гауф очень любил. А еще он любил «маленьких» – тех, кого готовы унижить богатеи, ограбить разбойники, осмеять злые мальчишки или «добропорядочные» филистеры. Он верил в их мужество, сметливость, благородство и незлобность. И надеялся, что рано или поздно – как в сказке – за все это его маленьким героям

воздастся сторицей, а страшные приключения, выпавшие на их долю, обернутся волнующими и трогательными воспоминаниями. Сказками, в которых все к лучшему. Потому и собираются вновь путники, некогда перехитрившие разбойников в Шпессартском лесу, а главный герой этой истории радуется вести об исправлении вожака бандитов. *«Не будь атамана он, надо думать, вряд ли попал бы в тогдашнее опасное положение, но не будь этого человека, он бы и не смог уйти от разбойников. Вот и выходит, что в душе у честного золотых дел мастера жили только добрые и дружественные мысли, когда ему вспоминалась харчевня в Шпессарте».*

Вот и вся сказка о маленьком сказочнике. Забывать, то есть обижать, которого – право слово, совестно.

Марина Аграновская

Юный сказочник Вильгельм Гауф⁷

К 200-летию со дня рождения

В доме у нас хранилась старинная книга: «Сказки Вильгельма Гауфа. Перевод с немецкого. С 42 рисунками Феодора Вебера, Гоземана и Людвига Бургера. Типография книгопродавца-издателя Маврикия Осиповича Вольфа».

В детстве я подолгу рассматривала изумительные картинки: уродливая ведьма уводит с базара мальчика Якоба, чтобы превратить его в карлика с длинным носом, несетя по волнам корабль привидений, разбойники нападают на идущий по пустыне богатый караван, бежит в своих волшебных туфлях Маленький Мук, александрийский шейх сидит в окружении важных старейшин... Сам рассказчик этих занимательных историй представлялся мне таким же, как старцы на картинках, – умудренным опытом седовласым мужем.

Как же сжалось сердце, когда, уже студенткой филфака, штудирюя тему «немецкий романтизм», я прочитала в учебнике строчку: «Вильгельм Гауф (1802–1827)...». Так значит, эти волшебные сказки создал совсем молодой писатель, значит это был не плод зрелого творчества, а блестящий дебют! Сразу же вспомнился Лермонтов: он погиб в 27 лет, Гауф не дожил неделю до своего двадцатипятилетия.

Ноябрь 2002 года отмечен двумя памятными датами – двухсотлетием со дня рождения Вильгельма Гауфа и 175-й годовщиной со дня его смерти.

Вильгельм Гауф (Wilhelm Hauff) родился 29 ноября 1802 года в Штутгарте, в почтенном вюртембергском семействе – оба его деда и отец были высокопоставленными чиновниками. Однако после безвременной смерти главы семьи в 1809 году дела пошатнулись, и вдова с четырьмя детьми вынуждена была переехать в Тюбинген, к своему отцу. Этот переезд стал для юного Вильгельма благотворным. В его распоряжении оказалась богатейшая библиотека деда, да и сама атмосфера университетского Тюбингена, города философов и поэтов, располагала к творчеству и настраивала на романтический лад. Здесь всего два десятилетия назад учились Гегель и Шеллинг, здесь в башне на берегу Неккара с 1807 года жил в заточении признанный безумцем поэт Фридрих Гёльдерлин, тот, кого Марина Цветаева нарекла: «гений, просмотренный веком». Гёльдерлин провел в своей башне 36 лет, надолго пережив Вильгельма Гауфа. Из-за стесненных материальных обстоятельств семье юноши не пришлось выбирать на какой факультет прославленного университета он поступит. Государственную поддержку можно было получить, только изучая теологию, и Вильгельм стал студентом Протестантской семинарии. Он прилежно учился, но о том, чтобы стать пастором, и не помышлял. В августе 1824 года Гауф успешно сдал выпускные экзамены и получил ученую степень, а в сентябре анонимно выпустил антологию стихов в фольклорном стиле «Военные и народные песни» („Kriegs- und Volksliedern“), в которой, вместе с балладами известных поэтов-романтиков, напечатал два собственных стихотворения. Это были типичные для романтизма «швабской школы» стихи, исполненные мрачных предчувствий и сетований на непостоянство фортуны. Однако зная, сколь печальная судьба ждала их юного автора, трудно видеть в этих балладах лишь дань моде:

«Заря рассветная в окне – Не смерть ли возвещаешь мне, Рассеивая ночи тень?» Строка из стихотворения «Утренняя песнь всадника» („Reiters Morgenlied“) стала пословицей: „Gestern noch auf stolzen Rossen, /Heute durch die Brust geschossen“ («Еще вчера на гордом скакуне, сегодня – пал, ударом в грудь сраженный»).

⁷ Аграновская М. Юный сказочник Вильгельм Гауф // Партнер. 2002 № 62. Режим доступа: http://www.maranat.de/agr_03_de_05.html.

Яркая короткая жизнь Гауфа доказала правоту этого высказывания. Дебют был удачным: стихи Гауфа нисколько не проиграли от соседства с произведениями маститых авторов, но к поэзии он более не обращался. Получив в Штутгарте место гувернера, которое обеспечивало начинающему писателю скромный доход, Гауф принялся писать романы. Он жадно работал, но не спешил придать гласности свое имя. В августе 1825 года Гауф анонимно издал «Отрывки из мемуаров сатаны» („Mitteilungen aus den Memorien des Satan“) – книгу, которая, высмеивая тогдашнюю литературную моду, изобиловала сатирическими выпадами и остроумными пародиями. Естественно, что ее появление было болезненно воспринято в литературных кругах, однако когда спустя всего две недели из печати вышло следующее сочинение Гауфа, разразился настоящий скандал. Пародийный роман «Лунный человек, или сердечные порывы есть глас судьбы» («Der Mann im Mond oder der Zug des Herzens ist des Schicksals Stimme») был написан за шесть недель и издан под именем Х. Клаурена (H. Clauren), модного автора легковесных бестселлеров. Привлеченные именем популярного писателя, читатели бойко раскупали книгу. Когда же выяснилось, что роман принадлежит перу двадцатитрехлетнего мистификатора, Гауф был привлечен к суду за то, что «противозаконно и преднамеренно ввел в заблуждение публику», и оштрафован на 50 талеров.

Почему Гауф так упорно не желал обнародовать свое авторство, осталось для исследователей загадкой. Одни видят в этом неуверенность начинающего писателя в своих силах, другие – стремление дебютанта привлечь внимание к своей персоне. Так или иначе, Гауф открыл свое имя читателю, только издав в ноябре 1825 года первый «Альманах сказок для сыновей и дочерей образованных сословий» („Maerchen-Almanach fuer Soenne und Toechter gebildeter Staende“). Он планировал выпускать альманахи сказок ежегодно. Успел издать только три. Все они построены по одному принципу: затейливые истории рассказывают друг другу люди, случайно сведенные судьбой, – купцы, которые путешествуют с караваном по пустыне и хотят скоротать время на долгих стоянках, невольники, которые должны развлекать александрийского шейха, постояльцы подозрительной харчевни в Шпессарте, вынужденные всю ночь бодрствовать, чтобы разбойники не застали их врасплох. Сказки Гауфа подобны причудливому ожерелью – бусины нанизаны на единую нить, но каждая из них неповторима, каждую хочется неторопливо рассматривать, наслаждаясь ее красотой.

Сменяются рассказчики – люди молодые и умудренные опытом, хитрые и простоватые, отважные и трусливые; воскресают в их памяти вереницы прихотливых образов – величавых, нежных, устрашающих, а порой забавных, и забывают внимательные слушатели, а вместе с ними читатель, о скуке, о грядущей опасности, о давешнем горе. Действие переносится то в великолепный Багдад, то в захолустный немецкий городишко, то в аравийскую пустыню, то в леса Шварцвальда. Гауф, который мало успел поехать по миру и уж во всяком случае никогда не покидал Европы, описывает пряный восточный быт с той же осязаемостью и убедительностью, что и нравы родной Швабии. Любопытно, что современники, в целом благосклонно принявшие сказки и видевшие в Гауфе достойного последователя Гофмана, критиковали молодого автора как раз за то, что по достоинству оценили в сказках последующие поколения. Легкость и изящество слога были восприняты как «отсутствие должной старательности», захватывающие сюжеты как «стремление угодить публике и быстро снискать славу». И слава, и благосостояние действительно быстро пришли к Гауфу. В апреле 1826 года в Штутгарте выходит его исторический роман «Лихтенштейн. Романтическая сага из истории Вюртемберга» („Lichtenstein. Romantische Sage aus der wuerttembergischen Geschichte“), признанный современниками шедевром. Рыцарский роман, написанный в стиле Вальтера Скотта, повествует о перипетиях судьбы герцога Ульриха Вюртембергского. Трогательный сюжет, тщательно воссозданный исторический фон (действие происходит в эпоху Реформации и Крестьянской войны 1524-26 гг.), колдовская романтика дикого лесного края, где магия привычно входит в повседневную жизнь, и конечно, мастерство молодого автора – все это обеспечило роману заслуженный успех.

Гауф писал о своей родине, о том, что знал и любил с детства, – замок герцогов Вюртембергских Лихтенштейн и поныне возвышается на неприступной скале среди гор Швабского Альба недалеко от Тюбингена, а герцог Ульрих основал ту самую Протестантскую семинарию, в которой учился юный Вильгельм. После выхода романа Гауф оставляет место гувернера и отправляется в большое путешествие по Германии, Франции и Фландрии. Он пишет новеллы, статьи, эссе, готовит второй и третий альманахи сказок, а в январе 1827 года становится редактором престижной штутгартской газеты «Моргенблат». Счастливые события следуют одно за другим: наконец-то Вильгельм может жениться на своей кузине Луизе Гауф, с которой уже несколько лет обручен.

Успех «Лихтенштейна» вдохновил Гауфа, и в августе 1827 года он отправился в Тироль собирать материалы для нового исторического романа. Путешествие проходило тяжело, и в дороге писатель заболел. Пришлось возвращаться домой. В Штутгарте ему стало немного лучше, но вскоре болезнь вернулась. Врачи поставили неопределенный диагноз «нервная горячка». 10 ноября у Луизы Гауф родилась дочь Вильгельмина, а 18 ноября Вильгельм Гауф скончался.

Мы можем только гадать, что последовало бы за чередой столь многообещающих дебютов Вильгельма Гауфа: романтические стихи или едкие пародии, фундаментальные исторические романы или реалистические новеллы? Сколько волшебных сказок не успел он рассказать?

В историю немецкой литературы Гауф вошел как основоположник жанра исторического романа. После смерти писателя интерес публики к «Лихтенштейну» возрос необычайно. На протяжении всего 19-го столетия его многократно переиздавали, по роману ставились пьесы и музыкальные спектакли, в магазинах игрушек продавались фигурки и декорации для представлений домашнего теневого театра. Сам замок стал знаменит, и спустя 15 лет после смерти Гауфа был перестроен владельцем, герцогом Вильгельмом Вюртембергским, в неоготическом стиле, дабы его вид более соответствовал рыцарскому духу романа. «Лихтенштейном» увлекались не только немецкие читатели. Среди поклонников романа была и юная Марина Цветаева: *«Летом 1904 года еду с матерью в Германию, в Шварцвальд /.../ Пишу немецкие стихи. Самая любимая книга тех времен – «Лихтенштейн» В. Гауфа.»*

Однако для современного читателя Гауф остается прежде всего сказочником, автором «Карлика Носа», «Маленького Мука», «Калифа-аиста». В России сказки Гауфа переиздаются ежегодно. Заглянув на библиографический интернет-сайт, я была поражена: более сотни публикаций только за последние несколько лет – сборники, красочные издания отдельных сказок, адаптированные книжки-раскраски для малышей... не говоря уж об антологиях детской и юношеской литературной классики. Я же предпочитаю всем современным изданиям растрепанный том, вышедший некогда из типографии книгопродавца-издателя Маврикия Осиповича Вольфа.

Счастливо миновав придирчивую таможеню, я привезла столетней давности книгу на родину Гауфа в Вюртемберг. Ее ветхие страницы трепетно перелистывает моя дочь... Великолепные, громадные шварцвальдские ели на рисунках господ Феодора Вебера, Гоземана и Людвиг Бургера совсем такие же, как в соседнем парке.

IV. ПОЭТ-РОМАНТИК ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

ХРИСТИАН ИОГАНН ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

(13 декабря 1797, Дюссельдорф – 17 февраля 1856, Париж)

– немецкий поэт, публицист и критик еврейского происхождения

Раиса Шиллимат

Предатель, или патриот ?⁸

Случай Генриха Гейне

«С незапамятных времен, стоило только заговорить в Германии о Гейне, тут же начиналась пальба. Он был от природы провокатором и вечным нарушителем спокойствия... Он отправился в изгнание, когда не было нужды скрываться. Его биография началась в еврейском средневековье и закончилась в новом европейском времени, его творчество вышло из немецкой романтики и пришло к немецкому модерну... Он постоянно усаживался между любыми стульями, и почти всегда было впечатление, что это и есть его место. И нет его вины в том, что его произведения снова и снова будоражат наши умы. Это происходит потому, что творчество Гейне осталось тем, чем и было: провокацией и вызовом». Так написал о Генрихе Гейне один из ведущих критиков Германии Марсель Райх-Раницки в своей книге «Случай Гейне».

Генрих Гейне был один из немногих поэтов, которому удалось быть свидетелем трех революций. Он был еще подростком, когда французская революционная армия вошла в Рейнскую область Германии, что произвело неизгладимое впечатление на будущего поэта, и повлияло на выбор страны проживания, когда, много позже, Гейне принял решение покинуть Родину. Французы, оккупировавшие Германию, внесли в гражданское законодательство страны изменения, которые уравнивали евреев, граждан второго сорта, с немцами. Образ героя-освободителя Наполеона, въезжающего в Дюссельдорф на коне, будет позже запечатлен поэтом в «Книге Ле Гран. Идеи». Но «недолго музыка играла», потому что сразу после возвращения французов домой, равенство в Германии ушло в небытие, а Франция отныне в душе юного Гейне стала символом свободы. Судьба поэта со школьных лет была очень непростой: конфликты с состоятельными родственниками, от которых он зависел, сменились конфликтами с прусской государственной системой: студент Гейне должен был покреститься, чтобы сделать карьеру. Вместо имени haгу – Харри, полученного при рождении, он получает христианское имя Christian Johann heinrich (Кристиан Йоханн Хайнрих), коротко heinrich heine (Хайнрих Хайне) – в русском варианте Генрих Гейне. Но и этот отчаянный шаг – крещение – не принес молодому человеку желаемого результата – «порок» происхождения корректуре не поддавался. В 1826 Гейне писал: «Теперь меня ненавидят как иудеи, так и христиане. Я очень сожалею о том, что покрестился». Литературная стезя, на которую ступил Гейне, тоже не была усыпана розами. После недолгого позитивного общения в Берлине с представителями романтического литературного направления супругами Карлом Августом и Рахилью Фарнхаген, он уезжает в Веймар, где встречается с Гете. Здесь его ждет очередное разочарование – знаменитый писатель ведет себя очень сдержанно и не склонен к общению. Неудачи преследуют Гейне и дальше – в

⁸ Шиллимат Р. Предатель, или патриот? Случай Генриха Гейне // Зинзивер. 2011. № 7(27). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zin/2011/7/sh15-pr.html>.

Штутгарте он вступает в конфронтацию с представителем швебских романтиков Вольфгангом Менцелем, дело доходит чуть ли не до разрыва отношений. На этом неприятности не заканчиваются: Мюнхенский университет отказал доктору юридических наук Генриху Гейне в месте профессора. Поэт примыкает к группе «Молодая Германия», в которую входят политически активные писатели и поэты, не признающие над собой ни давления власти, ни попечительства церкви. Их произведения отличаются социальной и острой политической направленностью, что никак не могло понравиться правительству. Молодое поколение утверждает, что их литературные предшественники далеки от реальной жизни, что они слишком консервативны и никак не откликаются на происходящее вокруг. Все закончилось тем, чем и должно было закончиться: «Молодую Германию» запретили.

Неудачи и потрясения подорвали здоровье поэта, вывели его из душевного равновесия. Гейне писал о своих переживаниях того времени: *«Иногда мне казалось, что прусская кокарда и есть солнце, а ночами мне снился ужасный черный коршун, который клевал мою печень, и я впадал в меланхолию»*. В 1831 году ему 33 года, им уже написана «Книга песен» и «Путешествие по Харцу (Гарцу)», которое он совершил пешком, он многое сумел увидеть. В «Путешествиях» он описывает со свойственным ему сарказмом политические и литературные события в Германии, он уже довольно известен как своим поэтическим мастерством, так и своей едкой сатирой. Поэт приходит к печальному выводу, что оказался изгоем не только в своей семье, но и в своей стране, поэтому решает на добровольную эмиграцию. Куда ехать? Конечно же, в Париж! Послереволюционный Париж, который находился в стадии становления культурной метрополией, встретил Гейне не только светскостью и богемностью, но и прогрессивными политическими веяниями. Сразу после прибытия в Париж он пишет: *«Я чувствую себя в Париже как Гейне, даже те ужасы, которые я привез сюда в своем сердце, потеряли силу своего пугающего напряжения. Боль утихает. На этом воздухе раны залечиваются быстрее, чем где бы то ни было. Здесь витает что-то великодушное, благодатное, любезное»*. По сути своей Гейне борец, но борец-одиночка, у него вполне сложившаяся гражданская позиция, он борется за право влиять на происходящие события силой своего слова, за утверждение собственных идеалов, поэтому, живя в Париже, поэт не вступает ни в какие политические союзы, да и вообще, старается держаться подальше от политизированных соотечественников. С одной стороны, опасаясь немецких шпионов, с другой стороны, не желая участвовать в эмигрантских интригах. Хотя под влияние одного немецкого эмигранта он, все-таки, со временем, уже в сороковые годы, попадает, это был Карл Маркс, который заражает его идеями космополитизма и коммунизма. Германию поэт воспринимает как заскорузлую, националистически настроенную провинцию, а Париж – как самое подходящее место для поэта. Здесь Гейне знакомится с Бальзаком, Жорж Санд, Берлиозом, Делакура и другими значительными фигурами культурной сцены своего времени. Однако эти знакомства не помогают Гейне обеспечить свое существование. Парижскую жизнь оплачивают богатые родственники из Гамбурга, но денег, которые Гейне от них получает, на столичную жизнь не хватает. Выручают старые связи на родине: его давний издатель Котта предлагает ему писать репортажи из Франции для «Всеобщей Аугсбургской Газеты», за которые он платит хорошие гонорары. Гейне более десяти лет не только освещает парижскую жизнь. <...> Но то, что пишет парижский «летописец» вызывает раздражение у правительства Пруссии, и через четыре года после того, как Гейне покинул родину, на его произведения в Германии накладывают запрет. С этого момента французы официально признают его политическим эмигрантом и назначают ему денежное пособие. В 1837 году выходит сборник сатирических рассказов Гейне «Салон» (первый из четырех одноименных). <...> Только через тринадцать лет эмигрантской жизни он пускается в дальний путь – в «чопорную, ханжескую, лицемерную Пруссию», повидаться с матерью. Результатом этого путешествия явился эпос *«Германия. Зимняя сказка»* – вершина поэтического творчества поэта. Гейне писал о том, какой он видел свою поэму и чего он хотел добиться, когда создавал ее: *«Она романтична, политизирована, и, надеюсь, нанесет смертельный удар по высокопарной, тенденциозной поэзии»*. Он охарактеризовал свою поэму как *«совершенно новый жанр, рифмованные путевые картины»*. Однако общественное мнение

не совпало с мнением авторским, и романтики в его поэме замечено не было, зато бросился в глаза политический подтекст.

После выхода эпоса Гейне в сборнике «Новые стихи», в 1844 году, Германия разразилась бурей негодования. Посыпались проклятия и требования запретить эту «несчастную поделку», с «убогими виршами», что «для автора нет ничего святого», его «стихи полны грязных шуток», и что «поэзией там и не пахнет». У Прусского правительства на поэму Гейне была своя, вполне определенная точка зрения, оно восприняло ее как «изложенные стихами речи, порочащие характер немецкого народа и государственное устройство страны, и усмотрело в стихах выпады против священной особы». Последствия не заставили себя долго ждать: вышел приказ о запрещении поэмы и об аресте автора, в случае, если он пересечет немецкую границу. Из стихов, вошедших в этот цикл, ясно, что Гейне не избежал судьбы всех эмигрантов: как бы трезво он ни оценивал положение на Родине, сколько бы обиды не было в его сердце, оно все равно оставалось там, в его неблагополучном родном доме. Гейне покинул Родину, и, казалось бы, неплохо жил в Париже, но ведь все мысли поэта были как раз о Германии, о том, что мешает его стране избавиться от шовинизма и косности, и тем самым облегчить жизнь обездоленному народу. Гейне не был революционером в прямом смысле, напротив, он находил, что революция для немецкого народа опасна – народ духовно не созрел для нее, поэт всего лишь ратовал за такие изменения в сознании общества, которые позволят всем людям чувствовать себя равноправными гражданами своей страны. То есть, в Париже, ко всем нерешенным проблемам, с которыми поэт прибыл в эмиграцию, добавилась еще одна: как соединить несоединимое – восприятие реального положения вещей на Родине, вызывающее отторжение, и ощущение внутренней неразрывной связи с ней. Для верноподданных бюргеров Германии Гейне изменник и предатель. Горечью наполнены его слова в предисловии к «Зимней сказке»: *«Будьте спокойны, Рейн я никогда не отдам французам, уже по одной простой причине – он принадлежит мне. Да, он принадлежит мне по неотъемлемому праву рождения, я свободный сын свободного Рейна, на его берегу стояла моя колыбель, и я совершенно не понимаю, почему Рейн должен принадлежать кому-то другому, а не детям этой земли»*. Дальше он говорит, что если его Родине удастся довести прогрессивные духовные преобразования, начатые французами, до логического конца, *«тогда к Германии присоединятся снова не только Эльзас и Лотарингия, но и вся Франция, а за ней и вся Европа, весь мир. Весь мир будет немецким! Я часто мечтаю о такой миссии и о таком господстве, когда оказываюсь под сенью дубов. Это и есть мой патриотизм»*.

<...> Почти через восемьдесят лет после смерти поэта, когда нацисты пришли к власти, они тут же предъявили свои претензии поэту-правдоискателю, и не в последней степени его «Зимней сказке». Гейне снова обвиняли в том, что в ней он «все немецкое смешал с грязью», и что он страдает болезненной ненавистью к Германии. Как следствие, произведения Гейне были внесены в «Список вредной и нежелательной литературы», но, как ни странно, романтическую, ставшую народной, песню о нимфе Лорелей (Лорелее), сидящей на скале и завлекающей корабли на гибель, продолжали петь. Без упоминания имени автора. Сам Гейне говорил о своих отношениях с поэзией так: *«Поэзия, как бы я ее ни любил, была для меня всего лишь священной игрушкой, или священным средством для достижения высших целей. Но на мой гроб положите мне меч, потому что я был храбрым солдатом в борьбе за освобождение человечества»*.

V. ПИСАТЕЛИ – ЛАУРЕАТЫ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ

ГЕРМАН ГЕССЕ, ГЕНРИХ БЁЛЛЬ, ГЮНТЕР ГРАСС

ГЕРМАН ГЕССЕ

(2 июля 1877, Кальв, Германия – 9 августа 1962, Монтаньола, Швейцария)

– швейцарский писатель и художник немецкого происхождения, лауреат Нобелевской премии (1946)

Дмитрий Петров

Письмо Герману Гессе⁹

Здравствуй, дорогой друг!

В этом письме я хотел бы сказать, чем были Ваши книги для нас и какую жизнь мы прожили рядом с Вашими героями – и без них. Видимо, не все, что я здесь напишу, будет Вам интересно. Простите. Но не писать я не могу. И еще: я хотел бы сказать спасибо за то, что когда-то Вы нам здорово помогли.

Бывает так – я мысленно представляю себе, что поселился в домике на берегу океана. Вокруг моего жилища на тысячи километров – ни души. Нет инфляции и девальвации, железных дорог и оптовых рынков, пробок на дороге и всю ночь громящего за окном города. Радио и телевидения тоже нет. Есть только простор, ясность и дом, в который могу входить только я. В нем совсем немного вещей. Некоторые я помню с самого детства. На полке – с десяток любимых пластинок. Не больше. Музыка хватит и так – нужно только открыть окно. Вот камин и старинный барабан – он у меня с незапамятных времен. Кое-какие фотографии. И книги – не больше дюжины, среди которых и пухлый том с Вашими сочинениями. Я люблю эту книгу за искренность и чистоту, за сосредоточенность, помогающую отрешиться от постыдной суеты, за слова веры, которые дают силу жить и преодолевать время. Впервые я начал читать ее лет двадцать назад, в Ленинграде. Затертый, ветхий фолиант, который, кажется, прошел через тысячи рук, на несколько ночей мне дали друзья. И какими удивительными и чудесными стали для меня те далекие ночи!

Так началось наше знакомство. От Вас я впервые услышал слова «карма», «Дао», «инь» и «ян», «нирвана»... У Вас я учился слушать музыку: Бах, Моцарт, Пахельбель и тут же – Майлз Дэвис и Чарли Паркер. Вы рассказали мне об огромной библиотеке, полной замечательных книг, которые потом, под Вашим руководством, я читал. А «Степной волк» превратился в код, шифр, знак узнавания. Сближаясь с кем-то, рано или поздно я торжественно вручал испытуемому Вашу книжку. Это была проверка на принадлежность к нашей стае. Прошел – не прошел. Вы говорили: *«Я не верю ни в нашу науку, ни в нашу политику, ни в нашу манеру мыслить, веровать, развлекаться, я не разделяю ни единого из идеалов нашего времени. Но это вовсе не означает, что я вообще ни во что не верю. Я верю в законы человеческого рода, которые существуют тысячелетия, и верю, что они переживут всю суету и неразбериху наших дней».*

⁹ Петров Д. Письмо Герману Гессе // Человек без границ. Режим доступа: http://www.manwb.ru/articles/persons/great_europ/GesseLetter_DmPetr.

Под каждым из этих слов я мог бы подписаться. Это была и моя позиция по отношению к миру, в котором я жил. Точь-в-точь.

Согласитесь, у Ваших книг удивительная судьба. Представьте: середина шестидесятых, Вас с нами нет всего несколько лет. И вдруг все заговорили о Германе Гессе. Коммерческий успех превзошел все ожидания. За несколько лет – страшно подумать! – Вы стали самым читаемым, самым переводимым из европейских писателей последнего столетия. С Вами никто не мог сравниться. Счет читателей шел на миллионы. Ваши произведения переведены на 49 языков, и волна переводов не спадает. Разве это не удивительно для писателя, который постоянно пребывал в конфликте с властями, выбивался из рамок общества, с трудом соотнося свою жизнь с нормами так называемой действительности?

А у нас тогда Вас совсем не печатали. Время было такое. «Сыновья молчаливых дней», как древние летописцы, переписывали Ваши книги и потом передавали их из рук в руки. Дорого стоили те рукописи.

Вдруг издали «Игру в бисер», а спустя 16 лет – «Степного волка». Что-то тихо менялось в нашей жизни. Запели «дети проходных дворов»: «Дальше действовать будем мы!» Подполье открылось, стало можно и нужно то, о чем раньше шепотом говорили на кухнях. Надо было выходить наружу. Кто-то сделал шаг, но оступился и полетел вниз, в бездну дури и русского психоделика. Кто-то так и остался там, где был: менять жизнь и себя непросто. Стали появляться люди современные – энергичные, деловые, здоровые, холодные и молодцеватые. Но они Вас не читают...

Сейчас с книгами Германа Гессе все в порядке: переведен, снабжен комментариями, издан. В любом книжном магазине можно купить практически всё.

Удивительно, не правда ли? За последние десять лет мы сильно изменились и, кажется, стали очень похожи на страну, в которой когда-то жили Вы. Да, Вам бы здесь побывать! Всё у нас теперь есть: нищета и богатство, смута и насилие, молодежь, принимающая наркотики... И варварство. Как бы Вы вели себя, глядя на это? Промолчали бы, чтобы не обидеть, отшутились бы, а может быть, повторили слово в слово то, что сказали когда-то в «Степном волке»? *«Увы, трудно найти... Божественный след внутри этой... такой мещанской, такой бездуховной эпохи, при виде этой архитектуры, этих дел, этой политики, этих людей! Как же не быть мне Степным волком и жалким отшельником в мире, ни одной цели которого я не разделяю, ни одна радость которого меня не волнует! Я долго не выдерживаю ни в театре, ни в кино, не способен читать газеты, редко читаю современные книги, я не понимаю, какой радости ищут люди на переполненных железных дорогах, в переполненных отелях, в кафе, оглашаемых душной, назойливой музыкой, в барах и варьете элегантных роскошных городов, на всемирных выставках, на праздничных гуляньях, на лекциях для любознательных, на стадионах – всех этих радостей, которые могли бы... быть мне доступны и за которые тысячи других бьются, я не понимаю, не разделяю. А то, что в редкие мои часы радости бывает со мной, то, что для меня – блаженство, событие, экстаз, воспарение, – это мир признает, ищет и любит разве что в поэзии, в жизни это кажется ему сумасшедшим, и в самом деле, если мир прав, если права эта музыка в кафе, эти массовые развлечения, эти американизированные, довольные столь малым люди, значит, не прав я, значит, я – сумасшедший... который... не находит себе ни родины, ни пиццы, ни воздуха».*

О Вас написаны книги и монографии. Уверенные перья рассказывают о том, что, в сущности, немецкий писатель, классик литературы XX века Герман Гессе прожил совершенно обычную жизнь. Ну да, родился в Швабии, неподалеку от того места, где в высокой башне проживал известный маг и чернокнижник Фауст. Неудивительно, что родители были протестантами-проповедниками, а дед – миссионером в Индии. Понятно, что учился в семинарии, откуда сбежал после семи месяцев учебы, твердо решив «стать поэтом – или никем», а потом сочинял стихи и романы. Очевидно, почему дружил с Юнгом, говорил о закате Европы и с надеждой глядел на Восток. Слава богу, что дал жизнь Нарциссу и Гольдмунду,

рассказал о Сиддхартхе и Демиане, написал трактат о Степном волке и оставил точные описания Касталии.

А еще – жил отшельником, ездил в Индию, воспитал трех сыновей, был женат (три раза), презирал обывателей, ненавидел фашистов, помогал во время войны беженцам, дружил с магами и каббалистами, заслуженно получил Нобелевскую премию и с детства мечтал стать волшебником. А как иначе? Все это так естественно и понятно!

И все-таки, если честно, в этих книжках о Вас очень многое остается «за кадром». В них пытаются описывать действительность, в которой Вы жили, но что такое действительность? Вы сами говорите об этом так: *«Мне отказывают в чувстве действительности. Этой действительности-де не отвечают ни книги, которые я сочиняю, ни картинки, которые я пишу. Когда я сочиняю, я по большей части выкидываю из головы все требования, которые образованный читатель привык предъявлять уважающей себя книге... Я нахожу, что действительность есть то, о чем надо меньше всего хлопотать, ибо она и так не преминет присутствовать с присущей ей настырностью, между тем как вещи более прекрасные и более нужные требуют нашего внимания и попечения. Действительность есть то, чем ни при каких обстоятельствах не следует удовлетворяться, чего ни при каких обстоятельствах не следует обожествлять и почитать, ибо она являет собой случайное... Ее, эту скудную, неизменно разочаровывающую и безрадостную действительность, нельзя изменить никаким иным способом, кроме как отрицая ее и показывая ей, что мы сильнее, чем она».*

Ну скажите после всего этого, как бедному критику описать вашу чудесную способность видеть мир и «магическое» мышление, которое роднит вас с Дон Кихотом, Гамлетом, князем Мышкиным? Согласитесь, это трудно. Германа Гессе можно понять, читая его книги, рассказывающие о снах и другой реальности, которая подчас реальнее, истиннее той, что существует ныне. А пересказать эти книги нельзя. Их нужно – читать. Без «посредников».

Знаете, мне кажется, что все Ваши произведения, такие разные и непохожие друг на друга, соединяются в единое целое, в одну великую Книгу. Ее можно сравнить с собором – с огромным нефом, высоким сводом, длинными галереями и глубокими криптами. Здесь ходят не торопясь, молча, покойно и вдумчиво. Как и надлежит в храме.

Эта огромная Книга рассказывает о пути, который соткан из противоречий и терний, встреч и расставаний, побед и поражений, падений и взлетов, страданий и преодолений, о дороге, которая ведет к чистоте, ясности и простоте, имя которой – мудрость. Эта Книга о переходе, о том, как быть новым, как переосмыслить и сделать себя, выйти из прежнего существования и жить настоящей жизнью, подлинной и достойной, а не нарочитой, придуманной, фальшивой и трухлявой. В этой книге вопрос: почему в детстве мы открыты в будущее, но потом жизнь вязнет, деревенеет, почему? И уже не отделить «вчера» от «сегодня», и уже невозможен выбор, а мы превращаемся в статистов, которые повторяют заигранные роли. В этой Книге протест и бунт. Не быть таким, как все! Сопротивляться и этому благоуханному оптимизму мещанина, этому процветанию всего посредственного, нормального, среднего. Оставаться свободным, не гнуться, не засыпать, не идти на компромиссы и искать закон, который в тебе. Эта Книга о готовности меняться и идти.

Спасибо Вам за то, что учили нас смотреть на жизнь ясно и трезво, видеть в ней все уродливое и злое, но знать, что есть идеал. Вы говорили о том, что дух человеческий может приблизиться, вознестись к этому идеалу, и своей Книгой показали, что его можно воплотить.

Я хотел сказать еще, что больше всех вместе взятых критических эссе о вашей жизни я доверяю «краткому жизнеописанию», которое вы опубликовали в 1925 году, когда до вашего ухода оставалось долгих 37 лет. Вот что Вы в нем рассказываете.

«В возрасте старше семидесяти лет, когда два университета только что удостоили меня почетной докторской степени, я был привлечен к суду за соращение некоей молодой девицы при помощи колдовства. В тюрьме я попросил разрешения заниматься живописью.

Оно было мне предоставлено. Друзья принесли мне краски и мольберт, и я написал на стене моей камеры маленький пейзаж... Пейзаж этот содержал почти все, что нравилось мне в жизни, – реки и горы, море и облака, крестьян, занятых сбором урожая, и еще множество чудесных вещей, которыми я наслаждался. Но в самой середине пейзажа двигался совсем маленький поезд. Он ехал к горе и уже входил головой в гору, как червяк в яблоко, паровоз уже въехал в маленький туннель, из темного и круглого входа в который клубами вырывался дым...

Между тем так называемая действительность, с которой я на деле окончательно порвал, прилагала все усилия, чтобы глумиться над моей мечтой и разрушать ее снова и снова... Давно уже я задохнулся бы и околел в этом... аду, если бы мои краски не дарили мне снова и снова утешения и удовольствия, если бы моя картина, мой чудесный маленький пейзаж не возвращал мне воздух и жизнь.

Перед этим пейзажем стоял я однажды в моем узиле, как вдруг снова прибежали тюремщики со своими докучливыми понуканиями и вознамерились оторвать меня от моей блаженной работы. Тогда я ощутил усталость и нечто вроде омерзения от всей этой маелты и вообще от этой грубой и бессмысленной действительности. Мне показалось, что теперь самое время положить мукам конец... Без магии не было сил выносить это мир.

Я вспомнил китайский рецепт, постоял минуту, задержав дыхание, и отрешился от безумия действительности. Затем я обратил к тюремщикам учтивую просьбу, не будут ли они так любезны подождать еще мгновение, потому что мне надо войти в поезд на моей картине и привести там кое-что в порядок. Они засмеялись, как обычно, ибо считали меня душевнобольным. Тогда я уменьшил мои размеры и вошел внутрь моей картины, поднялся в маленький вагон и въехал вместе с маленьким вагоном в черный маленький тоннель. Некоторое время еще можно было видеть, как из круглого отверстия клубами выходил дым, затем дым отлетел и улетучился, вместе с ним – вся картина, а вместе с ней – и я.

Тюремщики застыли в чрезвычайном замешательстве».

Уверен, все так и было в конце жизни великого мага и волшебника Германа Гессе. Вы сели в свой маленький поезд и уехали вместе с другими такими же путешественниками в страну Востока. Прямо сквозь черный туннель. И я знаю – когда-нибудь Вы вернетесь.

Приезжайте, дорогой Друг! Погостите у нас. Может быть, люди, которые живут в моей стране, покажутся вам немного жалкими, темными, запуганными и озлобленными. Может быть, для этого у них есть все основания. Но поверьте мне на слово – они тоже способны на взлет. И Вы им очень нужны. Я знаю это наверняка. Приезжайте! Я покажу одно место, где Вам точно будет хорошо. Большой светлый дом, в нем звучит великая музыка, которую Вы так любите. Много-много детей. И сад! Уж в этом Вы знаете толк – ведь Герман Гессе всю жизнь выращивал прекрасные сады. Приезжайте! Осенью здесь созревают отличные яблоки, большие и сладкие. Из них получается изумительное варенье и шипучий, забористый сидр. Ну что, договорились? Так до встречи!

Николай Александров

«Биография души» Германа Гессе¹⁰

Герман Гессе, нобелевский лауреат 1946 года, – один из самых читаемых авторов XX века. Все свое творчество он называл «затянувшейся попыткой рассказать историю своего духовного развития», «биографией души». Одна из основных тем творчества писателя – судьба художника во враждебном ему обществе, место подлинного искусства в мире.

Гессе был вторым ребенком в семье немецкого священника-миссионера. Детство он провел в обществе трех родных сестер и двух двоюродных братьев. Религиозное воспитание и наследственность оказали глубокое влияние на формирование мировоззрения Гессе. И тем не менее он не пошел по теологической стезе. После побега из духовной семинарии в Маулбронне (1892), неоднократных нервных кризисов, попытки самоубийства и пребывания в лечебницах он краткое время работал механиком, а затем торговал книгами. В 1899 году Гессе выпустил свой первый – никем не замеченный – сборник стихов «Романтические песни» и написал большое число рецензий. В конце своего первого базельского года он опубликовал «Оставшиеся письма и стихи Германа Лаушера» – произведение в духе исповеди. Это был первый случай, когда Гессе говорил от лица вымышленного издателя – прием, который он в дальнейшем активно использовал и развивал. В своем неоромантическом романе воспитания «Петер Каменцинд» (1904) Гессе вывел типаж своих будущих книг – ищущего аутсайдера. Это история духовного формирования юноши из швейцарской деревни, который, увлекшись романтическими мечтами, отправляется в странствия, но не находит воплощения своих идеалов.

Разочаровавшись в большом свете, он возвращается в родную деревню к простой жизни и природе. Пройдя через горькие и трагические разочарования, Петер приходит к утверждению естественности и человечности как непреходящих жизненных ценностей.

В тот же год – год своего первого профессионального успеха – Гессе, теперь целиком посвятивший себя литературному творчеству, женился на швейцарке Марии Бернулли. Молодая семья переехала в Гайнхофен, отдаленное местечко на Бодензее. Последовавший период оказался весьма плодотворным. В основном Гессе писал повести и рассказы с элементом автобиографизма. Так, роман «Под колесами» (1906) во многом основан на материале школьных лет Гессе: чувствительный и тонкий школьник погибает от столкновения с миром и косной педагогикой.

Во время первой мировой войны, которую Гессе охарактеризовал как «кровавую бессмыслицу», он работал в немецкой службе по делам военнопленных. Писатель пережил тяжелый кризис, который по времени совпал с расставанием с психически больной женой (развод в 1918 году). После длительного курса терапии Гессе в 1917 году завершил роман «Демиан», вышедший под псевдонимом «Эмиль Синклер», – документ самоанализа и дальнейшего внутреннего освобождения писателя. В 1918 году была написана повесть «Последнее лето Клингзора». В 1920 году вышла «Сиддхартха. Индийская поэма», в центре которой стоят основополагающие вопросы религии и признания необходимости гуманизма и любви. В 1924 году Гессе стал гражданином Швейцарии. После женитьбы на швейцарской певице Рут Венгер (1924; развод в 1927 году) и курса психотерапии вышел в свет роман «Степной волк» (1927), ставший своего рода бестселлером.

Это одно из первых произведений, открывающих собою линию так называемых интеллектуальных романов о жизни человеческого духа, без которых нельзя представить себе

¹⁰ Александров Н. «Биография души» Германа Гессе. Режим доступа: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=83002>.

немецкоязычную литературу XX в.<...>. Книга во многом автобиографичная. Однако считать героя романа Гарри Галлера двойником Гессе было бы ошибкой. Галлер, Степной волк, как он сам себя называет, мятущийся, отчаявшийся художник, измученный одиночеством в окружающем его мире, не находящий с ним общего языка. Действие романа охватывает около трех недель жизни Галлера. Некоторое время Степной волк живет в небольшом городе, а затем исчезает, оставив «Записки», которые и составляют большую часть романа. Из «Записок» выкристаллизовывается образ талантливого человека, не способного найти свое место в мире, человека, живущего мыслью о самоубийстве, для которого каждый день становится мукой.

В 1929 году Гессе добился самого громкого признания у публики повестью «Нарцисс и Златоцвет». Предметом повествования стала полярность духовной и мирской жизни, что было темой, типичной для того времени. В 1931 году Гессе в третий раз женился – на этот раз на Нинон Долбин, австриячке, историке искусства по профессии – и переехал в Монтаньолу.

В том же году Гессе начал работу над романом «Игра в бисер» (опубликован в 1943 году), который как бы суммировал все его творчество и поднял на небывалую высоту вопрос о гармонии духовной и мирской жизни.

В этом романе Гессе пытается разрешить всегда тревожившую его проблему – как совместить существование искусства с существованием бесчеловечной цивилизации, как спасти от губительного влияния так называемой массовой культуры высокий мир художественного творчества.

История фантастической страны Касталии и жизнеописание Иозефа Кнехта – «магистра игры» – якобы, написаны историком-касталийцем, живущем в неопределенном будущем. Страна Касталия основана избранными высокообразованными людьми, которые видят свою цель в сохранении духовных ценностей человечества. Им чужд жизненный практицизм, они наслаждаются чистой наукой, высоким искусством, сложной и мудрой игрой в бисер, игрой «со всеми смысловыми ценностями нашей эпохи».<...>.

В 1946 году Гессе присудили Нобелевскую премию за вклад в мировую литературу. В том же году он был удостоен премии Гете. В 1955 году ему вручили Премию мира, учрежденную немецкими книготорговцами, а через год группа энтузиастов учредила именную премию Германа Гессе.

Гессе умер в возрасте 85 лет в 1962 году в Монтаньоле.

ГЕНРИХ ТЕОДОР БЁЛЛЬ

(21 декабря 1917, Кёльн – 16 июля 1985, Лангенбройх)
– немецкий писатель (ФРГ), переводчик,
лауреат Нобелевской премии по литературе (1972)

Анастасия Рахманова

Генрих Бёлль: самый русский немецкий писатель¹¹

Пожалуй, ни в одной стране мира, кроме Германии, творчество Бёлля не пользовалось такой популярностью, как в России.

За искренность его произведений и политическую активность Генриха Бёлля называли «совестью нации». *«Он был адвокатом слабых и врагом тех, кто всегда уверен в собственной непогрешимости. Он выступал за свободу духа везде, где она оказывалась под угрозой»*, – так бывший президент Германии Рихард фон Вайцеккер охарактеризовал Бёлля в письме с соболезнованием вдове писателя.

Бёлль был первым после Томаса Манна немецким писателем, получившим Нобелевскую премию по литературе. Он всегда чувствовал себя немцем, но в то же время резко критиковал «публичное лицемерие» правительства и «избирательную амнезию» своих соотечественников.

Жизнь на границе эпох

Жизнь Бёлля охватила несколько периодов истории Германии. Он родился подданным императора Вильгельма Второго, вырос в Веймарской республике, пережил гитлеровские времена, Вторую мировую войну, оккупацию, и наконец активно участвовал в становлении западногерманского общества.

Генрих Бёлль родился в 1917 году в Кёльне в семье скульптора и краснодеревщика. Родители Бёлля были очень религиозными людьми, тем не менее, именно они научили сына проводить четкое различие между христианской верой и организованной церковью. В шестилетнем возрасте Бёлль начинает посещать католическую школу, а затем продолжает учебу в гимназии. После прихода нацистов к власти Бёлль, в отличие от большинства своих одноклассников, отказался вступить в «гитлерюгенд».

После окончания гимназии в 1937 году Бёлль намеревался продолжить учебу в университете, но ему в этом было отказано. В течение нескольких месяцев он обучался книготорговле в Бонне, а затем полгода ему пришлось нести трудовую повинность, копая траншеи. Бёлль вновь попытался поступить в Кельнский университет, но его призвали в армию. Шесть лет Бёлль провел на фронте – во Франции и в России; четыре раза он был ранен, несколько раз пытался уклониться от службы, симулируя болезни. В 1945 году он оказывается в американском плену. Для Бёлля это был действительно день освобождения, поэтому он всегда сохранял чувство благодарности по отношению к союзникам, избавившим Германию от нацизма.

¹¹ Рахманова А. Генрих Бёлль: самый русский немецкий писатель. Режим доступа: <http://www.dw.de>.

На пути к профессионализму

После войны Бёлль вернулся в Кельн. И уже в 1947 году он начал публиковать свои рассказы. В 1949 году в свет вышла его первая книга – роман «Поезд пришел вовремя». В своих первых произведениях, которые можно отнести к жанру так называемой «руинной литературы», Бёлль рассказывал о солдатах и их любимых женщинах, о жестокостях войны, о смерти. Герои произведений Бёлля оставались, как правило, безымянными; они символизировали собой страдающее человечество; они делали то, что им приказывали, и гибли. Эти люди ненавидели войну, но не вражеских солдат.

Книги сразу же заинтересовали критиков, но тиражи расходились плохо. Бёлль, однако, продолжал писать. К концу 50-х годов Бёлль отходит от темы войны. В это время совершенствуется и его манера письма. В книге «Бильярд в половине десятого», который часто называют лучшим его романом, Бёлль использует сложные повествовательные приемы, сжимая в один-единственный день весь опыт трех поколений состоятельной немецкой семьи. В романе «Глазами клоуна» вскрываются нравы католического истеблишмента. «Групповой портрет с дамой», самый объемный и наиболее новаторский роман Бёлля, облечен в форму подробного бюрократического отчета, где около шестидесяти человек характеризуют некую персону, создавая тем самым мозаичную панораму немецкой жизни после Первой мировой войны. «Потерянная честь Катарины Блум» – ироническая зарисовка на тему сплетен бульварной прессы.

Нелюбимый за правду

Отдельная глава в жизни Генриха Бёлля – его любовь к России и деятельная поддержка диссидентского движения.

Бёлль много знал о России и имел четкую позицию по многим аспектам российской действительности. Эта позиция находит отражение во множестве произведений писателя. Отношения Бёлля с советским руководством никогда не были безоблачными. Фактический запрет на русские издания Бёлля продержался с середины 1973 года до последних дней его жизни. «Виной» тому служила общественная и правозащитная деятельность писателя, его гневные протесты против ввода советских войск в Чехословакию, активная поддержка диссидентского движения.

А начиналось все с невероятного успеха Бёлля в Советском Союзе. Первая публикация вышла еще в 1952 году, когда единственный в ту пору международный журнал «В защиту мира» напечатал рассказ молодого западногерманского автора «Весьма дорогая нога».

С 1956 года русские издания Бёлля появляются регулярно, колоссальными тиражами. Пожалуй, нигде в мире его переводы не пользовались такой популярностью, как у русской аудитории. Близкий друг Бёлля Лев Копелев однажды заметил: *«Если о Тургеневе говорили, что он самый немецкий из русских писателей, то о Бёлле можно было бы сказать, что он самый русский из немецких писателей, хотя он очень «немецкий» писатель».*

О роли литературы в жизни общества

Писатель был убежден, что литература чрезвычайно важна в деле формирования общества. По его мнению, литература в привычном понимании этого слова способна разрушить авторитарные структуры – религиозные, политические, идеологические. Бёлль был уверен, что писатель в той или иной степени способен изменить мир при помощи своего творчества.

Бёлль не любил, когда его называли «совестью нации». По его мнению, совестью нации являются парламент, свод законов и правовая система, а писатель призван лишь пробуждать эту совесть, а не являться ее воплощением.

Активная политическая позиция

Бёлль всегда активно вмешивался в политику. Так, он решительно выступил в защиту таких советских писателей-диссидентов, как Лев Копелев и Александр Солженицын.

Он критически относился и к капиталистической системе. На вопрос, существует ли гуманный капитализм, он как-то ответил: «Такового, собственно, быть не может. То, как функционирует и должна функционировать капиталистическая экономика, не допускает никакого гуманизма».

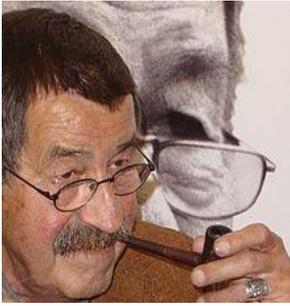
К середине 1970-х бёллевская оценка немецкого общества становится предельно критической, «заостряются» и его политические взгляды. Он не приемлет идеологию зрелого капитализма с его двойной моралью, симпатизирует социалистическим представлениям о справедливости.

Писатель делает это столь решительно и публично, что оказывается в какой-то момент чуть ли не «врагом государства» – во всяком случае, фигурой официального порицания. Вплоть до своей смерти Генрих Бёлль участвовал в общественной жизни на правах диссидента, представлявшего неприемлемые с официальной точки зрения взгляды.

Слава – средство сделать что-то для других

Бёлль был очень популярным писателем. Свое отношение к славе он прокомментировал так: «Слава – это тоже средство что-то сделать, чего-то добиться для других, причем это очень хороший инструмент».

Умер писатель в 1985 году. На траурной церемонии друг Бёлля, священник Герберт Фалькен свою проповедь завершил такими словами: «От имени усопшего мы молим о мире и разоружении, о готовности к диалогу, о справедливом распределении благ, о примирении народов и о прощении вины, лежащей тяжким бременем особенно на нас, немцах».

ГЮНТЕР ГРАСС

(16 октября 1927, Вольный город Данциг)

– немецкий писатель, скульптор, художник, график, лауреат
Нобелевской премии по литературе 1999 года

Борис Хлебников

Феномен Грасса¹²

Как он «учился страху»

<...> У братьев Гримм есть «Сказка о том, кто ходил страху учиться». Грасс как бы и отсылает к ней читателей названием небольшой четвертой главы «Как я учился страху» (из новой книги «Луковица памяти», которая носит характер художественных мемуаров и охватывает период с 1 сентября 1939 года, когда началась мировая война, до 1959 года, когда вышел в свет роман Грасса «Жестяной барабан»), которая повествует о том, что ему пришлось пережить в последние месяцы войны. Страницы именно этой главы и стали поводом для скандала. Пересказывать ее не хочется – все-таки мы имеем дело с художественным произведением, – поэтому ограничимся краткой реконструкцией фактического материала, привлекая не только эту главу, но и другие источники.

Еще в пятнадцатилетнем возрасте, то есть в 1943 году, Грасс из мальчишески глупого желания погеройствовать решил пойти добровольцем в подводники. Это не было редкостью, поскольку доброволец получал определенную возможность выбрать род войск и даже некоторые привилегии, а уклониться от призыва все равно бы не вышло, к тому же никто не хотел попасть в пехоту. Подводником его не взяли по малолетству, но заявлению, видимо, дали какой-то ход, поэтому, когда подошел нормальный призывной срок, он получил повестку.

Тут Грасс ссылается на пробелы памяти. Он не может вспомнить, какой была повестка, явствовало ли из нее, что его призывают в войска СС или это выяснилось уже на призывном пункте. Это дало повод усомниться в искренности писателя. Дескать, обычно даже в войска СС, не говоря уж о «черных СС», брали не просто добровольцев, требовалось еще и согласие родителей, даже рекомендация директора школы. <...> Так или иначе, по словам Грасса, в сентябре 1944 года он был направлен в учебное подразделение войск СС. Похоже, его подвела память. Документально зафиксированная дата поступления в 3-е учебно-резервное подразделение – 11 ноября 1944 года. В конце февраля 1945 года он был приведен к присяге. Военная специальность: заряжающий танкового орудия. Из того времени, что шло обучение, Грасс несколько недель симулировал желтуху, хотел избежать муштры. Сама принадлежность к войскам СС его, по все той же мальчишеской глупости, не смущала. Эти части казались ему армейской элитой, которую бросают на самые трудные участки, и только.

Затем Грасс попадает в разные подразделения 10-й танковой дивизии войск СС «Фрундсберг», которые наспех формировались и переформировывались, чтобы прикрыть участок фронта между населенными пунктами Мускау и Форст на левой стороне Нейссе, где войска Первого Украинского фронта под командованием маршала Конева готовили прорыв, начинавший грандиозную Берлинскую операцию. Первые трупы Грасс увидел еще на марше.

¹² Хлебников Б. Феномен Грасса // Иностранная литература. 2007. № 1. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2007/1/hl9.html>.

Это были немецкие солдаты, висевшие на придорожных деревьях или на уличных столбах с табличками «Дезертир».

Точной даты первого «огневого соприкосновения с противником» Грасс не помнит, называет только середину апреля, но, видимо, это было 16-го числа, когда советские войска пошли в наступление. Всего несколько залпов «катюш» по леску, где расположилась рота, за три минуты выкосили половину личного состава.

Подразделение Грасса было рассеяно, сама дивизия «Фрундсберг» вскоре попала в окружение. Грасс несколько раз оказывался на волосок от смерти. Так было, например, когда небольшое отделение забилось в подвал одноэтажного дома, где размещался то ли велосипедный магазин, то ли мастерская. Фельдфебель приказал разобрать велосипеды и – врассыпную. Грасса, не умевшего ездить на велосипеде, оставили прикрывать отход. Выскочивших из подвала положили на месте автоматные очереди. Грасс выбрался через окно на задний двор. Так и спасся. Позднее прибился к другому подразделению. Его послали в разведку. Тут Грасс еле-еле увернулся на шоссе от колонны советских танков, которые пытался остановить, приняв за своих. Бродил по лесам, наткнулся в темноте на другого вооруженного человека. За неимением пароля стал насвистывать немецкую детскую песенку. Тот подхватил. Выяснилось, что это ефрейтор, также отколовшийся от части, опытный фронтовик, который после новых злоключений вывел Грасса из окружения. Он же посоветовал Грассу бросить «эсэсовский» мундир, заменить его на подобранный армейский. Этот кошмар, запомнившийся на всю жизнь, длился всего дня четыре.

20 апреля, в последний день рождения Гитлера, Грасс получил при оружейном обстреле два осколочных ранения. Ему сильно повезло, ранения были не слишком тяжелыми, но его увезли с передовой в тыловой госпиталь. А остатки дивизии «Фрундсберг», второй раз попавшие в окружение под Кошау, были почти полностью уничтожены вместе со множеством уходивших с ними гражданских лиц. Словом, Грассу удалось выжить самому, а еще посчастливилось не сделать ни единого выстрела.

Из госпиталя в Мариенбаде Грасс угодил 8 мая 1945 года прямиком в американский плен. В архивах сохранились некоторые документы о пребывании как в госпитале, так и в американском лагере для военнопленных, где он был зарегистрирован под номером 31G6078785. Ни сам Грасс, ни его биографы, ни дотошливые журналисты к ним не обращались, хотя, повторяем, доступ в архивы был открыт, а если требовалось разрешение Грасса, то он такому доступу не препятствует.

<...> В лагере для военнопленных баварского Бад-Айблинга Грасс пробыл до 24 апреля 1946 года. <...>.

Так завершилась военная эпопея «эсэсовца» Гюнтера Грасса. Осознание военных преступлений, их бесчеловечности и огромных масштабов, той роли, которую играли в этих преступлениях не только «черные СС», но и фронтовые войска СС, а также вермахт, пришло гораздо позднее, а с ним – чувство вины и стыда, не оставившие писателя до сих пор.

Грасс № 1

<...>ежемесячный «журнал политической культуры» «Сисего» опубликовал уже весной 2006 года новый рейтинговый список из пятисот имен, подтвердивший, что Грасс остается №1 в немецкой публичной элите, опережая других писателей, публицистов, не говоря уж об интеллектуалах-политиках или ученых.

<...>место, занимаемое Грассом на вершине публичной элиты, досталось ему не в результате неких манипуляций общественного мнения или закулисной интриги, а под воздействием совокупности факторов, ключевым из которых стало все-таки мнение самой публики, признающей высокий авторитет Гюнтера Грасса и его исключительную «проминентность», даже тогда, когда они оспариваются его оппонентами.

Писатель как интеллектуал

Не вдаваясь в обсуждение различия национальных трактовок понятия «интеллектуал», заметим, что в немецкой традиции именно писатель служит образчиком подлинного интеллектуала. Здесь интеллектуал – фигура, прежде всего, публичная. Он призван инициировать общественные дискуссии, вести их или хотя бы принимать в них активное участие. Интеллектуал обращается к массовой аудитории, чтобы привлечь внимание к той или иной проблеме, которая обычно вызывает споры, носит характер острого конфликта, поэтому интеллектуал неизбежно поляризует общественное мнение, ищет поддержку у сторонников и опровергая оппонентов. Для этого интеллектуалу необходимо обладать мастерством публичного красноречия, владеть искусством аргументации и эмоционального воздействия, наличие которых и предполагается у писателя.<...>.

Все сказанное имеет самое непосредственное отношение к Грассу. Что касается образования, то он – во многом самоучка. Подобно Томасу Манну, Герману Гессе или Бёллю, он «университетов не кончал». У Грасса, вообще, были проблемы со школой, он оставался на второй год, аттестата зрелости не получил, зато позднее удостоился от многих университетов и академий звания почетного профессора и академика, да и сам возглавлял в качестве президента Берлинскую академию искусств. Это не мешало ему, начиная с 60-х годов, выступать с программными заявлениями, скажем, по вопросам образовательной реформы, по ключевым вопросам внешней и внутренней политики, по глобальным темам, таким, как экология или помощь развивающимся странам, причем, чтобы выслушать его мнение, Грасса приглашали авторитетнейшие мировые форумы, вроде Римского клуба, конференции влиятельных профессиональных сообществ (например, учителей), партийные съезды.

Интеллектуальная биография Грасса читается как послевоенная история общественного диалога в Германии, как летопись ее важнейших публичных дискуссий, многие из которых инициировал Гюнтер Грасс, причем «запалом» для подобных дискуссий могла послужить как его публицистика, так и новый роман. О полемическом размахе свидетельствует, например, пятисотстраничная книга, посвященная спорам вокруг грассовского романа «Долгий разговор» («EinweitesFeld», 1995). Ее авторы собрали и проанализировали более 10 000 (!) появившихся практически лишь за год сообщений телеграфных агентств, газетных и журнальных статей, записей теле- и радиопередач, предметом которых являлась книга Грасса <...>.

Грасс оставил заметный след не только в истории современной литературы, но и в общественно-политической жизни Германии. По его личному начинанию и при самом непосредственном, деятельном участии в конце 60-х возникли инициативные организации избирателей (Wählerinitiativen), которые привели к развитию разнообразных гражданских движений и формированию Партии Зеленых. Идеи Просвещения, идеи воспитания и самовоспитания человека, художника, гражданина – сквозные мотивы всего творчества и всей общественной деятельности Гюнтера Грасса.

Луковица памяти

Но вернемся к конфликту вокруг новой книги Грасса.

Собственно говоря, эпизод с призывом семнадцатилетнего подростка в войска СС вполне зауряден. Подобные истории с одноклассниками Грасса на исходе войны, когда их все реже спрашивали, в какие части они хотели бы пойти, и все чаще расстреливали за нежелание воевать, за испуг, дезертирство или просто за то, что отбилась от своих, исчислялись десятками тысяч. Да, несколько дней, проведенных Грассом на передовой, врезались в память, а главное – породили у него «неотступное чувство, что выжил лишь случайно».

Только все же новая книга совсем не об этом. Она посвящена поиску ответов на два вопроса. Первый из них преследовал писателя на протяжении всей его творческой, духовной жизни, что нашло отражение в каждой из его книг и сохраняет актуальность по нынешний день:

каким образом Германия, давшая миру великих просветителей и гуманистов, сформировавшая классическую систему школьного образования и педагогики, которая считалась одной из лучших в мире, пришла к национал-социализму, чьи идеи до сих пор продолжают находить сторонников среди молодых немцев?

Есть и второй вопрос. Что повернуло жизнь мальчика из провинциальной семьи мелких лавочников, судьбу обычного данцигского подростка, который не поражал окружающих выдающимися способностями, учился так себе, оставался на второй год и даже изгонялся из школы, а получить аттестат зрелости так и не успел – помешала война? Казалось бы, все препятствовало тому, чтобы он стал художником и писателем – мещанское происхождение, далеко не интеллектуальное окружение, тяготы военного времени и ранних послевоенных лет. «Когда б вы знали, из какого сора...» Но что-то или кто-то вдохнули же в него тягу к искусству, творческую искру, гражданское чувство, взялась же откуда-то энергия, необходимая для самореализации. Вот над чем размышляет писатель в «Луковице памяти» – книге, которую Грасс предварил строкой: «Посвящается всем, у кого я учился».<...>.

У нас и до сих пор изданы далеко не все романы Грасса, не говоря уж о его публицистике. А ведь попытка осмыслить сложный и противоречивый феномен Грасса помогла бы глубже понять послевоенное развитие Германии, историю, как теперь говорится, «общественного дискурса», в котором эта фигура сыграла самую значительную роль. Это нужно не только для того, чтобы пристальнее присмотреться к ее опыту преодоления двух вариантов тоталитарного прошлого, но и для того, чтобы лучше разобраться в самих себе.

Список источников

1. Аграновская, М. Юный сказочник Вильгельм Гауф / М. Аграновская // Партнер. – 2002. – № 62. – Режим доступа: http://www.maranat.de/agr_03_de_05.html.
 2. Александров, Н. «Биография души» Германа Гессе / Н. Александров – Режим доступа: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=83002>.
 3. Белоусов, Р. С. Слава и позор барона Мюнхгаузена // Тайны великих книг: неизвестная жизнь знаменитых литературных героев / Р. С. Белоусов. – М. : РИПОЛ классик, 2004. – С. 38–59.
 4. Малиничев, Г. Феномен Генриха Шлимана / Г. Малиничев // Чудеса и приключения. – 1996. – № 6. – Режим доступа: <http://roksalan.narod.ru/avtors/Oshliman.htm>.
 5. Немзер, А. Сказка о маленьком сказочнике / А. Немзер. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/nemzer/hauf.html>.
 6. Петров, Д. Письмо Герману Гессе / Д. Петров // Человек без границ. – Режим доступа: http://www.manwb.ru/articles/persons/great_europ/GesseLetter_DmPetr.
 7. Рахманова, А. Генрих Бёлль: самый русский немецкий писатель / А. Рахманова – Режим доступа: <http://www.dw.de>.
 8. Фочкин, О. Сказочно русский барон / О. Фочкин // Читаем вместе. – 2007. – № 7. – Режим доступа: <http://www.chitaem-vmeste.ru/pages/material.php?article=51&journal=60>.
 9. Хлебников, Б. Феномен Грасса / Б. Хлебников // Иностранная литература. – 2007. – № 1. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2007/1/hl9.html>.
 10. Шиллимат, Р. Предатель, или патриот? Случай Генриха Гейне / Р. Шиллимат // Зинзивер. – 2011. – № 7(27). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zin/2011/7/sh15-pr.html>.
 11. Шнейберг, Я. Георг Ом. Нелегкий путь к славе / Я. Шнейберг // Connect! Мир Связи. – 2006. – № 1. – Режим доступа: <http://www.connect.ru/article.asp?id=6380>.
 12. Шуман, Е. [О Генрихе Шлимане] / Е Шуман – Режим доступа: <http://www.dw.de>. – 06.01.2012.
- ***
13. Жеребин, А. И. «Уайльдовский парадокс» Гейне / А. И. Жеребин // Вопросы литературы. – 2012. – № 1. – С. 201–208.
 14. Копелев, Лев. Поэт с берегов Рейна. Жизнь и страдания Генриха Гейне / Лев Копелев. – М. : Прогресс-Плеяда, 2003. – 512 с. : ил.
 15. Кошманов, В. В. Георг Ом: пособие для учащихся / В. В. Кошманов. – М. : Просвещение, 1980. – 112 с. : ил.
 16. Пронин, В. А. Гюнтер Грасс – первый после Бёлля / В. А. Пронин // Школьная библиотека. – 2009. – № 3. – С. 50–53.
 17. Пронин, В. А. «Стихи, достойные запрета»: судьба поэмы Г. Гейне «Германия. Зимняя сказка» / В. А. Пронин. – М. : Книга, 1986. – 144 с. : ил.